

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ. ВЕРНЕТСЯ ЛИ СМАЙЛИ?

ЛЕКАРРЕ

ШПИОНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

MASTER DETECTIVE

CoRpus

Великолепный роман о любви, доверии и обмане.
Встанет на полку рядом с главными шедеврами Ле Карре.

EVENING STANDARD

Джон Ле Карре
Шпионское наследие
Серия «Master Detective»
Серия «Джордж Смайли», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43135515
Шпионское наследие: АСТ : CORPUS; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-106850-9

Аннотация

Новый роман мэтра шпионской интриги Джона Ле Карре – это одновременно сиквел и приквел к самым знаменитым его книгам, “Шпион, пришедший с холода” и “Шпион, выйди вон!”. Постаревший Питер Гиллем, верный помощник Джорджа Смайли, под давлением обстоятельств вынужден рассказать правду о своей роли в трагических событиях тех лет. Точнее, часть правды. Собственных тайн у него немало, как у всякого бывшего разведчика. Даже от Смайли. И кстати: где же сам Смайли, когда у любимого ученика земля горит под ногами? От кого он скрывается? И жив ли вообще?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	44
Глава 4	65
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джон Ле Карре

Шпионское наследие

© David Cornwell, 2017

© С. Таск, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

* * *

*Люди рождаются как под копирку, а умирают
каждый по-своему.*

Приписывается Мартину Хайдеггеру

Глава 1

Я собираюсь правдиво, насколько возможно, изложить свою роль в спецоперации британской контрразведки по введению противника в заблуждение, под кодовым названием “Паданец”, в отношении министерства госбезопасности Восточной Германии (Штази) в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века, в результате чего погиб лучший британский секретный агент из всех, с кем мне пришлось иметь дело, и невинная женщина, ради которой он пожертвовал собой.

Профессиональный агент подвержен человеческим чувствам, как и все люди. Вопрос лишь в том, как долго он способен их в себе подавлять – в режиме реального времени или, как в моем случае, пятьдесят лет. Всего каких-то пару месяцев назад, мучаясь бессонницей в своем доме на заброшенной ферме в Бретани, под звяканье коровьих колокольчиков и недовольное квохтанье кур, я старательно отгонял от себя осуждающие голоса, периодически врывавшиеся в мой сон. Я был слишком молод, возражал я голосам, слишком невинен, слишком наивен, слишком мелок в табели о рангах. Если вам нужны скальпы, говорил я им, направьте ваши поиски на гроссмейстеров обмана – Джорджа Смайли и его начальника по кличке Хозяин. Это их изощренное хитроумие и высший интеллект привели к триум-

фу и последующему провалу операции “Паданец”. Только сейчас, когда меня призвала к ответу служба, которой я отдал лучшие годы своей жизни, преклонный возраст и замешательство подтолкнули меня обозначить, чего бы мне это ни стоило, светлые и темные стороны моего участия в этом деле.

Сам факт моей вербовки Секретной службой – Цирком, как мы, младотурки, ее называли в те дни (их принято считать славными), когда она еще располагалась не в гротескной крепости на берегу Темзы, а в претенциозном викторианском особняке из красного кирпича, на изгибе Кембридж-сёркус, – по сей день остается для меня такой же загадкой, как и обстоятельства моего рождения, тем более что эти два события неразрывно связаны.

Мой отец, которого я почти не помню, был, по словам матери, гулякой родом из богатой англофранцузской семьи, жившей в одном из центральных графств Великобритании, обладателем неумеренных appetites и быстро тающего наследства, но при этом влюбленным во Францию, что многое искупало. В тридцатых он проводил лето в курортном городке Сен-Мало на северном побережье Бретани, где посещал казино и *maisons closes*¹ и при всяком удобном случае пускал пыль в глаза. Моя мать, единственный ребенок в потомственной семье бретонских фермеров, на тот момент двадцатилетняя, оказалась в этом городке на свадьбе в качестве по-

¹ Публичные дома (фр.).

дружки невесты, дочери преуспевающего торговца скотом. Если верить ее словам. А так как она была единственным источником информации и любила приукрасить факты, выставлявшие ее не в самом благовидном свете, я бы не удивился, узнав, что ее туда привел не столь возвышенный повод.

После бракосочетания, гласит ее история, она со второй подружкой невесты, пожертвовав бокалом, а то и двумя бокалами шампанского, сбежала с банкета в свадебных нарядах и отправилась прогуляться по оживленному променаду, куда целенаправленно вышел мой будущий отец. Моя мать, в отличие от второй подружки, была хорошенькая и ветреная. Закрутился бурный роман, о чем мать стыдливо умалчивала. Но вторая свадьба не заставила себя долго ждать. В результате появился я. Мой отец, как выяснилось, не был предрасположен к брачным узам и даже в первые годы супружества чаще отсутствовал, чем присутствовал.

Но дальше история делает героический разворот. Война, как мы знаем, меняет жизнь, и моего отца она изменила в мгновение ока. Не успели ее объявить, как он уже стучался в двери британского военного ведомства и предлагал свои услуги всем подряд. По словам матери, он задался целью в одиночку спасти Францию. А может, то была попытка сбежать из семьи, но мать ни разу не позволила мне высказать при ней столь еретическое предположение. Британцы недавно организовали спецподразделение, полу-

чившее лично от Уинстона Черчилля славное задание “сделать все, чтобы Европа запылала”. В прибрежных городках Юго-Западной Бретани вовсю орудовали немецкие субмарины, причем активнее всего – в нашем родном Лорьяне, где раньше находилась французская морская база. Мой отец пять раз парашютировался на бретонской равнине, вступал в контакт с разрозненными группами Сопротивления, вносил свой вклад в общее побоище и встретил жестокую смерть в тюрьме Ренна от рук гестапо, навсегда оставшись недостижимым для его сына идеалом беззаветного служения родине. Другим его наследием стала неуместная вера в британское публичное школьное образование: мало того что он сам проучился кое-как, так еще и меня обрек на ту же участь.

Мои ранние годы прошли как в раю. Мать кашеварила и лепетала со мной, дед был строгим, но добрым, ферма процветала. Дома мы говорили по-бретонски. В католической начальной школе в нашей деревне красивая молодая монашенка, прожившая шесть месяцев в Хаддерсфилде в качестве *au-pair*, учила меня азам английского и, в соответствии с общегосударственным законом, французскому. Во время школьных каникул я бегал босиком по окрестным полям и скалам, собирал гречиху для материнских блинчиков, ухаживал за старой свиноматкой Фадеттой и принимал участие в озорных деревенских играх.

Будущее не означало для меня ничего, пока оно вдруг не нарисовалось.

В Дувре пышнотелая Мерфи, кухня моего покойного отца, приняла меня из рук матери и привезла в свой дом в Илинге. Мне было восемь лет. В окно поезда я впервые увидел аэростаты заграждения. За ужином мистер Мерфи сказал, что через несколько месяцев все закончится, а миссис Мерфи утверждала обратное, и оба говорили по-английски медленно и повторяли фразы, чтобы я их понял. На следующий день миссис Мерфи повезла меня в Селфридж, где купила мне школьную форму, не забыв при этом сохранить чеки. А через день она меня провожала на платформе вокзала Паддингтон, а я махал ей на прощание новенькой школьной фуражкой.

Англизация, навязанная мне отцом, не требует особых пояснений. Шла война. Школам приходилось как-то справляться в этих условиях. Из Пьера я превратился в Питера. Над моим жалким английским потешались сверстники, а над моим бретонским акцентом – обеспокоенные преподаватели французского языка. Нашу деревеньку Ле-Дёз-Эглиз², как я случайно узнал, захватили немцы. Редкие письма от матери приходили в коричневых конвертах с английскими почтовыми марками и лондонским штемпелем. Лишь спустя много лет я осознал, через сколько отважных рук они должны были пройти. Праздники проходили то в лагерях для мальчиков, то у приемных родителей. Из начальной школы в краснокирпичном здании я перекочевал в гранитно-серую

² *Les Deux Eglises* – две церкви (фр.).

публичную школу, но ничего не поменялось: тот же маргарин, те же наставительные беседы о патриотизме и британской империи, то же спорадическое насилие, беззаботная жестокость и неудовлетворенное, безадресное сексуальное желание. Однажды вечером, весной сорок четвертого, незадолго до высадки морского десанта в Нормандии, меня вызвал в кабинет директор школы и сообщил, что мой отец погиб смертью храбрых и что я должен им гордиться. Из сообщений безопасности никаких подробностей.

Мне было шестнадцать, когда после особенно нудного летнего семестра я, недоделанный английский недоросль, вернулся в Бретань. Мой дед умер. Мать делила ложе с новым спутником, которого звали месье Эмиль. Мне он не нравился. Одна половина тушки Фадетты досталась немцам, другая участникам Сопротивления. Не зная, куда деваться от подросткового раздрая, и подогреваемый сыновним долгом, я сбежал на поезде в Марсель и, прибавив себе год, попытался записаться во французский Иностраннный легион. Моя эскапада закончилась тем, что офицер в ответ на просьбы матери, объяснявшей, что я француз, а никакой не иностранец, отправил меня обратно в плен, на этот раз в лондонский пригород Шордич, где якобы сводный брат моего покойного отца по имени Маркус возглавлял торговую компанию, занимавшуюся импортом драгоценных мехов и ковров из Советского Союза, который он называл Россией, – и этот человек взялся обучить меня новому ремеслу.

Дядя Маркус на всю жизнь остался для меня загадкой. Я по сей день не знаю, последовало ли это предложение от моих будущих начальников. Вопросы о том, как погиб мой отец, он встречал неодобрительным покачиванием головы – это относилось не к отцу, а к неуместности подобных вопросов. Порой я спрашиваю себя, можно ли родиться скрытным, как кто-то рождается богатым, или рослым, или музыкальным. Маркус не был подлым, прижимистым или недобрым. Просто скрытным. Родом из Центральной Европы, по фамилии Коллинз, он быстро шпарил по-английски, но с акцентом, а на каком языке говорила его мать, я так и не узнал. Меня он называл Пьером. У него была подружка Долли, хозяйка шляпного магазина в Уоппинге, которая увозила его со склада по пятницам в конце рабочего дня. Мне не было известно, ни куда они уезжают на выходные, ни женаты ли они или, может быть, у каждого своя семья. Я знал, что у Долли есть какой-то Берни, но кто он – муж, сын или брат, – оставалось только гадать. Долли тоже родилась скрытной.

И я даже задним числом не могу сказать, были ли “Транс-сибирские меха и роскошные ковры Коллинза” настоящей торговой компанией или прикрытием для встреч разведки. Все попытки это выяснить утыкались в глухую стену. Каждый раз, когда Маркусу предстояла поездка на торговую ярмарку в Киеве, Перми или Иркутске, его все время трясло, а по возвращении он уходил в запой. А еще незадолго

до ярмарки появлялся разговорчивый англичанин по имени Джек, который обвораживал секретарш, заглядывал в сортировочную со словами “Привет, Питер! У тебя все хорошо?” (ни разу не назвал меня Пьером), а затем уводил Маркуса куда-то на ланч, вернувшись с которого тот запирался у себя в кабинете.

Джек называл себя посредником в торговле пушниной, но теперь-то я знаю, что в действительности он занимался разведкой. Когда Маркус объявил, что врач больше не разрешает ему ездить по ярмаркам, Джек пригласил меня на ланч вместо него в Клуб путешественников на Пэлл-Мэлл, где задавал разные вопросы: предпочел ли бы я своей нынешней работе службу в Почетном легионе, насколько серьезны мои отношения с девушками, почему я недоучился в публичной школе, где был капитаном команды боксеров, и не подумываю ли я сделать что-то полезное для своей страны, под каковой он подразумевал Англию, и если я по малолетству не успел поучаствовать в войне, то вот он мой шанс. За весь ланч он лишь раз упомянул моего отца, причем настолько вскользь, как будто вспомнил о нем совершенно случайно:

– Кстати, о твоём покойном папе. Только это сугубо между нами, договорились?

– Да.

– Он был очень отважным парнем и чертовски здорово послужил своей стране. Обеим странам. На этом остановимся?

– Как скажете.

– Давай выпьем за него.

– Давайте.

И мы молча выпили.

В элегантно загородном особнячке в графстве Гэмпшир Джек, его коллега Сэнди и на удивление расторопная девушка Эмили, в которую я сразу влюбился, прочли мне краткий курс, как забирать корреспонденцию из секретного почтового ящика в Киеве, устроенного между расшатанных кирпичей в стене старого табачного киоска, копия которого стояла у них в оранжерее. Как выглядит условный знак, что к нему можно безопасно подойти, – в данном случае потрепанная зеленая ленточка, привязанная к перилам. Как дать понять, что я забрал корреспонденцию, – надо бросить пустую пачку от русских сигарет в урну рядом с крытой автобусной остановкой.

– Когда будешь подавать на советскую визу, Питер, лучше предъяви свой французский паспорт, а не британский, – беззаботно бросил Джек и напомнил мне, что у дяди Маркуса есть филиал в Париже. – И, кстати, к Эмили не подкатываться, – добавил он, на случай если у меня вдруг возникнут такие мысли, а они уже возникли.

* * *

Это стало моей первой ходкой, моим первым заданием

от Цирка, как выяснилось позже, и тогда я впервые увидел себя бойцом секретного фронта по образу и подобию покойного отца. Другие ходки в следующие два года уже не перечислю, а их было полдюжины, не меньше – Ленинград, Гданьск, София, позже Лейпциг и Дрезден, – и все небогатые на события, если не считать загрузку и разгрузку корреспонденции.

Уикенды в другом загородном доме с таким же красивым садом добавили трюков в мой репертуар: например, скрытое наблюдение за противником или “случайное” столкновение в толпе с незнакомцем и незаметная передача важного материала. В какой-то паузе между этими шалостями, на конспиративной квартире в южной части Одли-стрит, прошла тихая церемония: мне вернули отцовские боевые медали, французскую и английскую, с приложенными указами о награждении. Почему только сейчас? Я мог поинтересоваться, но к тому времени научился не задавать лишних вопросов.

И когда начались мои посещения Восточной Германии, однажды воскресным утром, в Западном Сассексе, в мою жизнь вошел полноватый, очкастый, вечно озабоченный Джордж Смайли, а все началось с моего отчета о выполненном задании, который принимал уже не Джек, а суровый тип чешского происхождения и примерно моего возраста, назвавшийся Джимом; фамилия же его (когда ему было разрешено такую иметь) оказалась Придо. Упоминаю я о нем потому, что в моей дальнейшей карьере он сыграл немало-

важную роль.

Во время моего отчета Смайли помалкивал, только сидел и слушал да изредка поглядывал на меня, как сова, сквозь очки в толстой оправе. Но когда все закончилось, он мне предложил пройтись по саду, который казался нескончаемым и переходил в парк. Мы разговаривали, присаживались на скамейку, снова куда-то шли и опять садились, продолжая беседу. Ваша матушка жива-здорова? Спасибо, Джордж. Ноги не слушаются, а так в порядке. А медали отца вы храните? Моя мать, ответил я, протирает их каждое воскресенье, что было правдой. Я умолчал о том, что она иногда вешает их на меня и плачет. А вот о моих девушках он, в отличие от Джека, не спрашивал. Видимо, из соображений безопасности не задавал лишних вопросов.

Вспоминая сегодня этот разговор, я не могу отделаться от ощущения, что он мне себя предлагал в качестве приемного отца, каковым и стал со временем. Хотя, возможно, он это так не воспринимал. Однако факт остается фактом: когда он задал мне решающий вопрос, я почувствовал себя дома, хотя мой дом находился в Бретани, по ту сторону Ла-Манша.

– Мы тут подумали, – сказал он отрешенно, – захотите ли вы перевести наши отношения на регулярную основу? Люди, работавшие на нас на стороне, не всегда одинаково комфортно ощущают себя внутри коллектива. Но вы, как нам кажется, впишетесь. Платим мы не очень много, и карьеры, бывает, прерываются. Зато мы считаем это по-насто-

ящему важным делом. Главное, чтобы человека больше волновала цель, а не средства.

Глава 2

Мое фермерское хозяйство в Ле-Дёз-Эглиз состоит из прямостоящего, ничем не примечательного гранитного *manoir*³ XIX века, обветшалого коровника с каменным крестом на коньке крыши, развалин фортификационных сооружений забытых войн, старого каменного колодца, ныне не используемого (а когда-то бойцы Сопротивления прятали там от нацистских оккупантов оружие), такой же старой выносной печи, допотопного пресса для изготовления сидра и пятидесяти гектаров равнодушного пастбища, спускающегося к морским скалам и побережью. Эта ферма принадлежала семье на протяжении четырех поколений. Я – пятое. Ни достойным, ни выгодным приобретением ее не назовешь. Из окна гостиной я вижу справа узловатый шпиль церкви XIX века, а слева – белую одинокую часовню, крытую соломой. Между ними расположилась деревня с соответствующим названием. В Ле-Дёз-Эглиз, как и во всей Бретани, ты или католик, или неверующий. Я – неверующий.

Чтобы добраться до нашей фермы из Лорьяна, надо проехать около получаса вдоль южного побережья по дороге, которую зимой обступают худосочные тополя, мимо останков выстроенной Гитлером “Атлантической стены”; разо-

³ Особняк (фр.).

братъ ея не представляется возможным, поэтому она быстро приобретает статус современного Стоунхенджа. Через тридцать километров ты начинаешь выглядывать слева пиццерию с гордым названием “Одиссей”, а вскоре, уже справа, появится зловонное кладбище старых автомобилей, где пьяный бродяга, по ошибке получивший при рождении имя Оноре⁴ (мать рекомендовала мне всячески его избегать), но больше известный среди местных как Вонючий Карлик, приторговывает антикварными вещами, использованными покрышками и навозом. После облезлого знака с надписью “Делассю” (семейная фамилия моей матери) ты сворачиваешь на разбитую колею и, попадая в выбоины, бьешь по тормозам либо на полной скорости ловко лавируешь между ними, как это делал почтальон месье Дени. Так он и поступил в то солнечное утро ранней осени – к негодованию кур во дворе и величайшему безразличию Возлюбленной, моей любимой ирландской сеттерши, слишком занятой своим недавним пометом, чтобы обращать внимание на мелкие человеческие слабости.

А что до меня, то когда месье Дени, он же Генерал по причине высокого роста и некоторого сходства с президентом де Голлем, вышел из желтого фургона и стал подниматься на наше крыльцо, мне хватило одного взгляда, чтобы понять: письмо, которое он сжимает в своей узловатой руке, – это весточка мне из Цирка.

⁴ Уважаемый, досточтимый (*фр.*).

Поначалу это меня не встревожило, скорее позабавило. Есть в британской секретной службе вещи неизменные. Например, крайняя озабоченность внешним видом почтовой корреспонденции. Чтобы она выглядела не слишком официально или формально – для прикрытия это не годится. Конверт не должен быть прозрачным, предпочтительно линованный. Белый цвет бросается в глаза, поэтому лучше цветной, но без игривых оттенков. Тусклый синий либо серый – вот это приемлемо. В данном случае конверт был светло-серого цвета.

Второй вопрос: адрес мы печатаем или пишем от руки? В поисках ответа сосредоточьтесь, как полагается, на адресате, в данном случае на мне: Питер Гиллем, бывший сотрудник, отпущенный на волю и испытывающий за это благодарность. Давно живет во французской глубинке. Встречи ветеранов не посещает. Официально не женат. Получает полную пенсию, а значит, уязвим. Вывод: в далекой бретонской деревне, где иностранец большая редкость, отпечатанный полуофициальный адрес на сером конверте с британской маркой может вызвать у местных жителей ненужный интерес, а посему пишем адрес от руки. Теперь задачка потруднее. Контора, или как там сейчас Цирк себя называет, не может пройти мимо вопросов безопасности, даже если речь идет

о частной переписке. Добавить, для дополнительного веса, “персонально”? Или так: “Персонально. Вручить непосредственно адресату”? Нет, слишком тяжеловесно. Останемся в границах частной переписки. Тогда так: “Лично”.

Артиллерийский квартал, 1

Лондон SE14

Дорогой Гиллем,

Мы незнакомы, поэтому позвольте представиться. Я менеджер по деловым связям в фирме, где Вы когда-то работали, и отвечаю за текущие и за прошлые события. Дело, в котором Вы когда-то сыграли существенную роль, неожиданно всплыло, и у меня нет иного выбора, кроме как попросить Вас приехать в Лондон как можно скорее, чтобы помочь нам подготовить ответ.

Я уполномочен предложить Вам покрытие дорожных расходов (эконом-классом) и проживания в Лондоне из расчета 130 фунтов в день на весь необходимый период.

Телефона для связи мы Вам предложить не можем, но Вы имеете полное право позвонить Тане по номеру, указанному выше, за счет вызываемого или, если у Вас есть имейл, написать на электронный адрес, приведенный ниже. Не желая причинить Вам какие-либо неудобства, должен тем не менее подчеркнуть, что дело весьма срочное. В заключение позвольте мне Вам напомнить параграф 14 договора о расторжении взаимного сотрудничества.

Искренне Ваш,
А. Баттерфилд
(ЮС ГС)

Р. S. Пожалуйста, не забудьте взять паспорт для предъявления в приемной. А. Б.

Аббревиатура расшифровывалась следующим образом: юридический советник главы службы. Параграф 14 звучал так: “Пожизненная обязанность явки по требованию Цирка”. А сам оборот “позвольте мне Вам напомнить” как бы говорил: *не забывай, кто выплачивает тебе пенсию*. Имейла у меня нет. И почему письмо без даты: ради пушей безопасности?

Катрин в саду, вместе со своей девятилетней дочкой Изабель, играет с парой задиристых козлят, недавно пополнивших наше хозяйство. Хрупкая женщина с широким бретонским лицом и спокойными карими глазами, которые бесстрастно тебя изучают. Стоит ей протянуть руки, как козленок прыгает в ее объятия, а маленькая Изабель, по-своему выражая радость, складывает ладошки и кружится на месте. Катрин, при всей ее мускулистости, следует быть поосторожнее: если на нее прыгнут оба козленка сразу, они просто опрокинут ее на землю. Изабель меня игнорирует. Зрительный контакт ее смущает.

В поле за ними глухой Ив, наемный рабочий, согнувшись пополам, срезает кочанную капусту. Правая рука взмахива-

ет ножом, левая швыряет кочан в телегу, а согбенная спина при этом не меняет наклона. За ним наблюдает старая серая кобыла по кличке Артемида, когда-то подобранная Катрин. Пару лет назад мы с ней приняли гуляку страуса, сбежавшего с соседней фермы. Когда она сообщила об этом хозяину, тот сказал: он уже старый, можете оставить его у себя. Страус мирно почил в бозе, и мы ему устроили торжественные похороны.

– Ты чего-то хочешь, Пьер? – спросила меня Катрин.

– Боюсь, что мне придется уехать на несколько дней, – ответил я.

– В Париж? – Подобную перспективу она явно не одобряет.

– В Лондон, – говорю я. И поскольку даже пенсионеру необходимо прикрытие, добавляю: – Умер один человек.

– Которого ты любил?

– Уже нет, – ответил я с твердостью, которая меня самого удивила.

– Тогда не так важно. Сегодня уезжаешь?

– Завтра. Улетаю ранним рейсом из Ренна.

Когда-то, стоило бы Цирку только свистнуть, и я бы уже мчался в Ренн. Но времена изменились.

* * *

Если бы вы прожили с мое в шпионском поместье старого

Цирка, вам было бы понятно отвращение, которое я испытал, когда в четыре пополудни следующего дня, расплатившись с таксистом, зашагал по бетонной дорожке к новому, шокирующему своим показным величием зданию Службы. Представьте меня на пике моей шпионской деятельности. Усталый как собака, я возвращался из какого-то богом забытого провинциального городка империи – советской империи или ее сателлита. Из лондонского аэропорта ты сначала ехал автобусом, а потом подземкой до Кембридж-сёркус, где тебя уже поджидала производственная бригада, чтобы вытянуть все подробности. Ты преодолевал пять грязных ступенек перед викторианским уродцем, который мы называли ГО (Главным офисом), или Конторой, или просто Цирком. И вот ты уже дома.

Забудь о пикировках с бригадой, или отделом проверки, или администрацией. Обычные семейные разборки между полевыми и центровыми. Сидящий в своем закутке вахтер со знанием дела говорит тебе “С возвращением, мистер Гиллем”, спрашивает, собираешься ли ты сдавать чемодан, и желает тебе хорошего дня. Ты отвечаешь “Спасибо, Мак” или “Спасибо, Билл”, в зависимости от того, кто сегодня дежурит, и показываешь ему свой пропуск. Улыбаешься, сам не зная почему. Перед тобой три старых расшатанных лифта, которые ты ненавидишь с первого дня, – причем два из них застряли наверху, а третий принадлежит лично Хозяину, так что даже не думай на него покушаться. Поскорей бы зате-

ряться в лабиринте из коридоров и тупичков, этом физическом воплощении мира, в котором ты решил обосноваться, с его изъеденными древооточцем лестницами, щербатыми огнетушителями, подозрительными зеркалами и букетом запахов – затхлый сигаретный дым, “Нескафе” и дезодорант.

И вот теперь этот кошмар. Добро пожаловать в Шпионленд на Темзе!

Под присмотром суровых мужчин и женщин в спортивных костюмах я подхожу к пуленепробиваемому стеклу, отделяющему меня от стола на ресепшен, и мой британский паспорт ускользает от меня в металлическом лотке. За стеклом женщина. В мужском электронном голосе, доводящем выделение слов до абсурда, звучит эссекский акцент:

– Положите *все* ключи, мобильные телефоны, мелочь, *на-ручные* часы, ручки и *другие* металлические предметы в коробку на столе слева от вас, сохраните *белую* бирку от вашей коробки, а затем, с *обувью* в руках, пройдите *через* дверь с табличкой “Посетители”.

Мне возвращают паспорт. Сначала меня досматривает веселая девочка на вид лет четырнадцати, которая обстукивает все тело этакой ракеткой для пинг-понга, потом меня просвечивают в своего рода стеклянном гробе, поставленном на попа. Провожая меня к непомеченному лифту, после того как я снова надел и зашнуровал ботинки – почему-то эта процедура показалась мне гораздо унижительнее, чем требование их снимать, – веселая девушка спрашивает, хорошо ли

я провел день. Плохо. И ночь тоже, если ей это интересно, хотя, похоже, нет. По милости А. Баттерфилда я провел бессонную ночь, какой у меня не было уже лет десять, но ей этого не скажешь. Я полевой специалист, или, по крайней мере, был таковым. Моя естественная среда обитания – открытые пространства для ведения слежки. И вот сейчас, так сказать, в зрелом возрасте, я выяснил, что письмо из новоявленного Цирка (“Дорогой Джон”), свалившееся как снег на голову и потребовавшее немедленного приезда в Лондон, обрекает душу на беспокойные ночные скитания.

Кажется, мы поднялись на верхний этаж, но нигде этому нет подтверждения. В мире, где я когда-то жил, самые большие секреты прятали на верхнем этаже. У моей юной сопровождающей на шее висит целый арсенал ленточек с пластиковыми карточками. Она открывает дверь без опознавательных знаков, я вхожу, и она ее за мной закрывает. Я пробую ручку – не поддается. В жизни меня несколько раз запирали, но это всегда были противники. Окон нет, а на стенах наивные рисунки цветов и домов. Постарались дети А. Баттерфилда? Или это граффити бывших заключенных?

И куда пропали все звуки? Чем дольше я вслушиваюсь, тем безнадежнее тишина. Ни веселого перестука пишущих машинок, ни звонящих телефонов, ни дребезга колес изношенной передвижной картотеки, едущей по деревянным половицам наподобие тележки молочника, ни зычного мужского рыка “Кончай там насвистывать, черт побери!”. Где-то

между Кембридж-сёркус и набережной перекрыли звук как таковой.

Присаживаюсь на стул из стали и кожи. Листаю потрепанный экземпляр “Частного сыщика” и пытаюсь понять, кто из нас потерял чувство юмора. Встаю, снова пробую дверную ручку и сажусь уже на другой стул. Я уже пришел к выводу, что А. Баттерфилд пристально изучает язык моих телодвижений. Что ж, в добрый час, потому что к моменту, когда распахивается дверь и короткостриженная проворная женщина сорока с лишним лет, в деловом костюме, переступив порог, бесстрастным голосом горничной, проводящей санобработку в номере, обращается ко мне: “Здравствуйтесь, Питер. Я Лора. Пройдемте со мной?”, – я успел провернуть в голове все проколы и провалы, со мной так или иначе связанные на протяжении всей моей карьеры лицензированного мошенничества.

Мы печатаем шаг по пустому коридору и заходим в стерильный белый кабинет с герметичными окнами. Свеженький очкастенький выпускник английской публичной школы неопределенного возраста, в рубашке и подтяжках, вскакивает из-за стола и хватает мою руку.

– Питер! Господи! Как же молодо вы выглядите! Тридцать пять от силы! Добрались нормально? Кофе? Чай? *Точно* не хотите? Как же здорово, что вы приехали. Для нас это *такая* поддержка. С Лорой вы знакомы? Ну конечно. Простите, что заставил вас ждать. Звонило начальство. Разобра-

лись. Да вы садитесь.

Доверительно заглядывая в глаза, будто бы желая сойтись поближе, он подводит меня к неудобному стулу с высокой спинкой и подлокотниками, рассчитанными на долгие беседы. Сам снова садится за стол, заваленный старыми на вид делами, – тут тебе все национальные флаги. Поставив локти, обтянутые рукавами рубашки, куда-то между папок, он подпирает подбородок сжатыми кулачками.

– Кстати, меня зовут Кролик, – объявляет он. – Это глупое имя преследует меня с детства, никак не могу от него избавиться. Может, я и здесь-то из-за него оказался. Попробуй распустить хвост в Высоком суде, когда тебя все окликают “Эй, Кролик!”.

Это его обычный треп? Так тридцатилетний юрисконсульт секретной службы теперь разговаривает? То забегаю вперед, то одной ногой залезая в прошлое. Я не очень-то разбираюсь в разговорном английском сегодняшнего дня, но, судя по реакции Лоры, занимающей место рядом со мной, похоже, что так. Вид у нее свирепый, она словно готова нанести удар. На среднем пальце правой руки кольцо с печаткой. Отцовское? Или кодовый сигнал о сексуальных предпочтениях? Давненько я не был в Англии.

Кролик поддерживает светский разговор. Его дети без ума от Бретани. Обе девочки. Лора пока была только в Нормандии. С кем ездила, не признается.

– Ой, вы же, Питер, у нас бретонец! – вскрикивает он

ни с того ни с сего. – Мы должны вас называть Пьер!

Можно Питер, говорю я.

– Короче, Питер, если без обиняков, нам предстоит разобраться серьезную *юридическую заваруху*, – продолжает Кролик уже медленнее и громче, заметив среди седых завитков мое новое слуховое устройство. – Пока это еще *не кризис*, но фаза активная и, я бы сказал, *тревожная*. И нам очень нужна ваша помощь.

В ответ я говорю, что буду рад помочь чем могу, Кролик, и как приятно сознавать, что ты еще можешь быть чем-то полезен после стольких лет не у дел.

– Я здесь защищаю интересы *службы*, – продолжает он, проигнорировав мои слова. – А вы здесь присутствуете в качестве частного лица, так сказать, бывшего члена, уже давно наслаждающегося, не сомневаюсь, счастливой пенсией, но вот чего я *не могу* гарантировать, так это что *ваши* интересы и *наши* интересы будут во всем совпадать. – Глаза превратились в шелки. На лице ухмылочка. – Короче, Питер: при нашем огромном уважении к тому, что вы сделали для Конторы во время оно, есть *Контора*, есть *вы* и есть *я*, юрист-убийца. Как Катрин?

– Хорошо, спасибо. А почему вы спрашиваете?

Она ведь нигде не упоминается. Решил меня пугануть. Дал понять: гонг прозвучал. Контора все видит.

– Мы подумали, что ее, наверно, следовало бы включить в длинный список ваших подруг, – поясняет Кролик. – Такие

у нас правила, сами знаете.

– Катрин снимает у меня жилье. Она дочь и внучка предыдущих жильцов. Мы живем под одной крышей. А что касается ваших правил, то я с ней не спал и спать не собираюсь. Я ответил на ваш вопрос?

– Отлично, спасибо.

Моя первая ложь, умело поданная. А теперь быстро поменять тему.

– Кажется, мне понадобится адвокат.

– Это преждевременно, к тому же вы не можете его себе позволить. С учетом нынешних цен. В вашем досье сказано: “Женился, потом развелся”. И то и другое верно?

– Да.

– И все в течение года. Впечатляет.

– Я рад.

Это шутка? Или провокация? Я подозреваю второе.

– Юношеское недомыслие? – Он высказывает свое предположение все тем же участливым тоном.

– Недопонимание, – отвечаю я. – Еще есть вопросы?

Но Кролик так легко не сдается и сразу дает мне это понять.

– А чей ребенок? В смысле кто отец? – все тем же бархатым голосом.

Я делаю вид, что задумался.

– Знаете, я никогда ее не спрашивал, – отвечаю. И пока он это переваривает, сам перехожу в наступление: – Раз уж мы

обсуждаем, кто чем занимается, может, вы мне скажете, что здесь делает Лора?

– Лора занимается *историей* вопроса, – звучно произносит Кролик.

История в образе бесстрастной короткостриженной кареглазой женщины без косметики. Из нас троих улыбаюсь уже только я.

– И что же, Кролик, включает в себя обвинительный список? – бодро спрашиваю я, раз уж мы вступили в рукопашную. – Поджог королевских доков?

– Ну-ну, Питер, “обвинительный список” – это вы уже загнули! – так же бодро отбивается он. – Решение проблем – вот, собственно, и всё. Позвольте вам задать *один* вопрос, пока мы не перешли к остальной повестке, не возражаете? – И снова глаза-щелки. – Операция “Паданец”. Как она готовилась, кто руководил, с чего все пошло не так и каково было ваше участие?

Становится ли легче на душе, когда оправдываются твои худшие ожидания? Только не в моем случае.

– Вы сказали “паданец”, я не ослышался?

– “Паданец”, – повторяет он громче на случай, если моя слуховая гарнитура чего-то не уловила.

Не торопись. Помни, ты уже в возрасте. Память нынче уже не та. Держи паузу.

– Паданец... вы не могли бы уточнить, Кролик? Дайте мне подсказку. Когда это было?

– Начало шестидесятых. И наши дни.

– Вы сказали “операция”?

– Секретная. Кодовое название “Паданец”.

– Направленная против кого?

Сбоку следует подсказка от Лоры:

– Советы и их союзники. Против восточногерманской разведки, известной как *Штази*. – Последнее слово она выкрикивает, чтобы я наверняка расслышал.

Штази... Штази... минутку... Ах да, Штази.

– С какой целью, Лора? – спрашиваю я, собрав осколки в одно целое.

– Ввести в заблуждение, обмануть противника, прикрыть главный источник информации. Проникнуть в московский Центр с целью выявить возможного предателя или предателей внутри Цирка. – И тут же, с жалобной интонацией: – У нас не сохранилось *ни одного* досье. Лишь несколько отсылок к делам, которые словно испарились в воздухе. Вроде как отсутствуют. Предположительно украдены.

– “Паданец”, “Паданец”, – повторяю я, качая головой и улыбаясь, как это делают старики, даже когда они не такие старые, как кому-то кажется. – Простите, Лора. Не слышу звона.

– Даже отдаленного? – Это уже Кролик.

– Увы. Чистый лист. – А сам мысленно отгоняю картины, как я, еще совсем молоденький, в костюме доставщика пиццы, перегнувшись через руль недавно освоенного мотоцикла,

ла, везу спецрейсом ночные досье Цирка “некому” лондонскому получателю.

– На случай если я об этом забыл упомянуть или вы вдруг не расслышали, – говорит Кролик медоточивым голосом. – Насколько мы понимаем, в операции “Паданец” участвовал ваш друг и коллега Алек Лимас, которого, если помните, застрелили у Берлинской стены, когда он пытался спасти свою подругу Элизабет Голд, которую к тому моменту тоже уже застрелили. Или этого вы тоже не помните?

– Еще как помню, – огрызаюсь я. И только потом поясню: – Вы меня спрашивали про “Паданец”, а не про Алека. И я вам ответил: нет, не помню. Никогда не слышал. Извините.

* * *

В любом допросе отрицание вины становится отправной точкой. О предыдущем обмене любезностями можно забыть. После отрицания расклад кардинально меняется. На уровне агента тайной полиции отрицание человеком своей вины почти всегда оборачивается немедленным возмездием – не в последнюю очередь потому, что рядовой агент глупее своего подопечного. Умный следователь, напротив, когда дверь перед его носом захлопывают, не пытается сразу в нее ломиться. Он перегруппируется и зайдет к жертве с другого боку. И, судя по довольной улыбке Кролика, именно это он

сейчас обдумывает.

– Что ж, Питер. – Голос его стал тверже, несмотря на все мои заверения. – Отставим пока тему операции “Паданец”, и, если не возражаете, мы с Лорой зададим вам несколько *фоновых вопросов*, касающихся более общего предмета.

– Например?

– Персональная подотчетность. Вечная проблема: где заканчивается подчинение приказам старших и начинается ответственность за индивидуальные действия. Улавливаете?

– Не очень.

– Вы полевой игрок. Контора дала вам зеленый свет, но что-то пошло не по плану. Пролилась невинная кровь. Вас или вашего коллегу подозревают в превышении полномочий. Такой сценарий вы никогда не рассматривали?

– Нет.

То ли он забыл, что я плохо слышу, то ли решил, что у меня со слухом нет проблем.

– И вы себе не можете представить, чисто абстрактно, как возникает подобная напряженная ситуация? Оглядываясь на все передрыги, в которые вы попадали на протяжении своей долгой оперативной карьеры?

– Нет. Не могу. Уж извините.

– Ни одного случая, когда вам показалась, что вы превысили полномочия и затеяли то, что потом уже не могли остановить? Поставили свои чувства, потребности – или даже *аппетиты* – выше долга? И тем самым спровоцировали

ужасные последствия, которые вовсе не имели в виду или не предвидели?

– В этом случае я бы получил выговор от начальства, не так ли? Или отзыв в Лондон. А при худшем раскладе мне указали бы на дверь, – говорю я с озабоченным лицом дисциплинированного школьника.

– Посмотрите на это несколько шире, Питер. Я имею в виду третьих лиц, которые могут считать себя пострадавшими. Простые люди, посторонние, которым – вследствие ваших действий, по ошибке, сгоряча или просто по причине слабости – был нанесен побочный ущерб. Люди, которые могли решить – спустя годы, даже *десятилетия*, – что у них есть все основания начать судебную тяжбу против Службы. За причинение материального ущерба или, если это не прокатит, за необдуманное убийство, а то и хуже. Против Службы в целом или, – его бровки лезут вверх в притворном изумлении, – или, конкретно, против одного из ее бывших членов. Такая вероятность вам в голову не приходила? – Он уже разговаривает со мной не как юрист, а скорее как врач, готовящий пациента к плохим новостям.

Не торопись с ответом. Почеши старую голову. Результат нулевой.

– Пожалуй, я был слишком занят созданием проблем для противника, – отвечаю с усталой улыбкой ветерана. – Перед тобой враг, у тебя на хвосте сидит Контора, тут не до философствований.

– Самая простая стратегия с их стороны: начать с *парламентской процедуры* и подготовить почву для *судебного расследования* с помощью письма, *предшествующего* подаче иска. Вместо того чтобы действовать сразу на всю катушку.

Кролик, не мешай мне думать.

– А когда уже начнется судебное расследование, парламентский запрос, само собой, *будет отозван*. И суд получает карт-бланш. – Он ждет, я молчу, тогда он нажимает на меня сильнее: – По поводу “Паданца” так и не слышно звона? Секретная операция, растянувшаяся на два года, в которой вы сыграли значительную – кое-кто сказал бы героическую – роль. Ни одного колокольчика?

Тот же вопрос задает мне Лора, глядя на меня своими немигающими карими глазами монашки. А я снова пытаюсь порыться в своей старческой памяти и – вот же напасть! так ничего и не найдя, – какое у нас тысячелетие на дворе? – печально мотаю седой головой.

– Это был какой-то тренировочный курс? – храбро спрашиваю я.

– Лора только что вам рассказала, что это было, – следует отповедь.

– Ах да, разумеется, – говорю я, пытаюсь изобразить смущение.

Мы пока отставили тему “Паданца” и вновь вернулись к простому постороннему человеку, который сначала вцепляется в некоего поименованного бывшего члена Службы через Парламент, а затем вторично кусает его уже в суде. Но пока не прозвучало *имя... о каком* бывшем члене мы ведем речь. Я говорю “мы”, поскольку если тебе доводилось как участвовать в допросах, так и сидеть в качестве подозреваемого, то ты знаешь: речь идет о соучастии, когда ты и твои следователи составляете одно целое и обе стороны обмениваются выпадами.

– Взять хотя бы ваше персональное досье, Питер. А точнее то, что от него осталось, – жалуется Лора. – Речь даже не о том, что его почистили. Из него сделали отбивную. Предположим, там были секретные приложения, содержащие слишком деликатный материал для общего архива. Никаких претензий. На то они и секретные. Но что мы находим в спецархиве? Ноль без палочки.

– Мать вашу так, – уточняет Кролик. – Вся ваша служебная карьера, согласно персональному досье, сводится к ох... ительному акту об уничтожении документации.

– В лучшем случае, – добавляет Лора, несколько не смущенная непарламентскими выражениями в устах юрисконсульта.

– Но будем справедливы, Лора. – Кролик изображает человека, искренне сочувствующего осужденному. – А если это дело рук недоброй памяти Билла Хейдона? – Тут он снова обращается ко мне: – Кто такой Хейдон, вы, наверное, тоже не помните.

Хейдон! *Билл* Хейдон. Еще бы не помнить. Советский двойной агент, который в качестве главы всемогущего Комитета общего управления, или, проще, Лондонского управления, на протяжении трех десятилетий исправно передавал все секреты московскому Центру. Имя этого человека я постоянно прокручиваю в голове, но зря они ждут, что я сейчас подпрыгну и закричу: “Сукин сын! Вот кому бы я свернул шею”. Что, кстати, сделал кое-кто другой из моих знакомых, к полному удовлетворению британской стороны.

А тем временем Лора откликается на слова коллеги:

– Кто бы сомневался, Кролик. В спецархиве отпечатки пальцев Билла Хейдона, считай, повсюду. А наш Питер выследил его одним из первых, да, Пит? Будучи персональным помощником Джорджа Смайли. Вы ведь были его ангелом-хранителем и доверенным учеником, не так ли?

Кролик покачивает головой, на его лице написано благоговение.

– Джордж Смайли. Наш оперативник номер один. Совесть Цирка. Гамлет, как некоторые его называли – возможно, не совсем справедливо. Какой человек! Однако не кажется ли вам, что в случае операции “Паданец”, – он по-прежнему

му обращается к Лоре, словно меня здесь нет, – разграблением спецархива занимался не Билл Хейдон, а Джордж Смайли, по какой-то причине? В актах об уничтожении документации остались довольно странные автографы. Имена, которые мы с вами никогда не слышали. Имя Смайли там, *разумеется*, отсутствует. Он бы воспользовался услугами на все готового доверенного лица. Человека, который бы слепо выполнял его приказы, при всей их сомнительной законности. Наш Джордж, небожитель, никогда не стал бы марать руки.

– У вас есть какие-то соображения по этому поводу, Пит? – обращается ко мне Лора.

Да, у меня есть кое-какие соображения, и я их выскажу со всей решительностью. Она выводит меня из себя этим “Питом”, и вообще, наш разговор слишком далеко зашел.

– Послушайте, Лора, зачем Джорджу Смайли нужно было красть досье из спецархива? Это дело рук Билла Хейдона, уверяю вас. Билл украл бы последние деньги у вдовы и не поморщился бы.

Я хмыкнул и потряс седой головой: дескать, что вы, нынешняя молодежь, понимаете в том, как все это когда-то работало!

– Ну, я-то полагаю, что у Джорджа были основания их изъять, – отвечает Кролик за Лору. – Он был главой Секретки в течение десяти самых холодных лет за всю холодную войну. Отчаянно сражался за влияние с Лондонским управлением. Никаких запретов – похищали чужих агентов, зале-

зали друг к другу в сейфы. Разруливал самые темные операции. Шел на сделку с совестью во имя высшей цели. Что бывало нередко. Я лично вполне могу себе представить, как Джордж прячет под ковер папочку-другую. – И уже мне в лицо: – А также легко могу себе представить, как вы ему в этом помогаете без тени сомнений. Некоторые из этих странных автографов, очень похоже, выведены вашей рукой. Даже не нужно ничего воровать. Просто оформил к списанию под вымышленным именем – и готово. А что касается злополучного Алека Лимаса, трагически погибшего у Берлинской стены, то из его досье даже не стали делать отбивную. Оно просто ушло в самоволку. Не осталось даже карточки с загнутым уголком в общей картотеке. Странно, но вы, кажется, не испытываете никаких чувств.

– На самом деле я в шоке. И испытываю сильные чувства.

– Да? Из-за моих предположений, что это вы стибрили досье Лимаса из секретного архива и спрятали его в дупле дерева? Вы же в свое время похитили несколько файлов для дядюшки Джорджа. Почему бы не досье Лимаса? Будет о чем вспомнить, после того как от него избавились. Как, кстати, звали его девушку?

– Голд. Элизабет Голд.

– А, стало быть, помните. Если коротко, Лиз. Ее досье тоже исчезло. Напрашивается романтическая фантазия, как их папки улетают на небеса в обнимку. А кстати, как случилось, что вы с Лимасом закорешились? Братья по оружию,

если верить слухам.

– У нас были общие задания.

– Задания?

– Алек был старше меня. И мудрее. Когда он получал оперативное задание и ему нужен был напарник, он предлагал меня. И, если кадровый отдел и Джордж давали добро, мы шли в связке.

Тут снова Лора:

– Не приведете парочку примеров такой *связки*? – По ее интонации можно понять, что она ни парочек, ни связок не одобряет, но я только рад поводу уйти в сторону.

– Мы с Алеком познакомились, если не ошибаюсь, в Афганистане в середине пятидесятых. Нашим первым совместным заданием было внедрение небольших групп на Кавказе, а потом в России. Вам это может показаться позапрошлым веком. – Я в очередной раз хмыкнул и покачал головой. – Это не обернулось оглушительным успехом, должен признаться. Через девять месяцев его перебросили в Прибалтику, где он занимался забросами и выводом пехотинцев в Эстонии, Латвии и Литве. Он снова затребовал меня, и я отправился ему помогать. – Тут я решил ее просветить. – В те времена балтийские страны входили в состав советского блока, как вы наверняка знаете, Лора.

– “Пехотинцами” вы называете агентов. Сегодня говорят “активы”. Лимас официально базировался в Травемюнде, правильно? Северная Германия?

– Именно так, Лора. По легенде – как член Международной группы морских наблюдателей. Днем защита рыбных ресурсов, ночью высадка десанта с быстроходных катеров.

Наш тет-а-тет прерывает Кролик:

– А кодовое название ночной высадки десанта?

– “Складной нож”, насколько я помню.

– Не “Паданец”?

Этот выпад я игнорирую.

– “Складной нож”. Операция проводилась пару лет, а затем была свернута.

– И как она проводилась?

– Сначала находили волонтеров. Тренировали их в Шотландии, в Шварцвальде и других местах. Эстонцы, латыши. Потом готовили их заброску в родные места. Безлунная ночь. Резиновая лодка. Медленное продвижение. Приборы ночного видения. Условный сигнал на берегу, что все чисто. И ты высаживаешься. Или твои пехотинцы.

– И что вы делали после высадки ваших *пехотинцев*? Не считая открытия бутылки, что для Лимаса, кажется, было в порядке вещей.

– Уж точно не рассиживались, – отвечаю я, держа себя в руках. – Поскорее слинять. Предоставить их самим себе. А почему, собственно, вы меня об этом спрашиваете?

– Хочу понять, что вы за фрукт. А еще пытаюсь уразуметь, почему вы так хорошо все помните про “Складной нож” и ни черта про “Паданец”.

Снова Лора:

– *Предоставить их самим себе* – то есть оставить агентов на произвол судьбы, я правильно понимаю?

– Если вам угодно так это формулировать, Лора.

– И какова же была их дальнейшая судьба? Или вы уже не помните?

– Их ждала смерть.

– Буквально?

– Кого-то схватили сразу после высадки. Других через пару дней. Кто-то, будучи перевербован, выступил против нас и погиб позже. – Я чувствую, как начинаю срываться, и даже не пытаюсь себя сдерживать.

– И на ком лежит вина, Пит?

– За что?

– За их смерть.

Небольшой взрыв сейчас не помешает.

– На Билле Хейдоне, черве, который завелся в нашем доме, на ком же еще, черт возьми! Бедняги были приговорены еще до того, как они отправлялись по морю из Германии. А отправлял их наш дорогой глава Лондонского управления, того же подразделения, которое планировало всю операцию!

Кролик опускает голову и сверяется со шпиргалкой, скрытой за пюпитром. Лора, посмотрев на меня, переводит взгляд на свои руки, которые ей больше нравятся. Короткие, как у мальчика, чистенькие ноготки.

– Питер... – Пришел черед Кролика. Теперь они выстре-

ливают не одиночными попеременно, а очередями. – Меня как главного адвоката Службы – а не *вашего*, подчеркиваю – беспокоят некоторые моменты вашего прошлого. Опытный юрист – если в какой-то момент Парламент отойдет в сторону и освободит пространство для суда, открытого или закрытого, не дай бог, – может создать у судьи впечатление, что на протяжении вашей карьеры вы имели отношение к довольно большому количеству смертей и смотрели на это сквозь пальцы. Он подаст это так, что вам поручали секретные операции – скажем, все тот же непогрешимый Джордж Смайли, – где смерть невинных людей считалась приемлемым, даже логичным результатом. А то и желаемым, как знать.

– Желаемый результат? Смерть невинных людей? Вы о чем?

– Об операции “Паданец”, – терпеливо уточняет Кролик.

Глава 3

– Питер?

– Да, Кролик.

Лора неодобрительно молчит.

– Давайте на минутку вернемся в пятьдесят девятый год, когда, насколько я помню, операцию “Складной нож” положили на полку.

– Боюсь, я не силен в датах, Кролик.

– Контора положила эту операцию на полку по причине того, что она непродуктивна и дорого обходится, имея в виду человеческие жизни. Вы же с Алеком Лимасом заподозрили, что не все чисто в собственном доме.

– Лондонское управление говорило о неразберихе. Алек настаивал на “кроте”. В каком бы месте ни высаживался наш десант, противник постоянно нас опережал. Радиоперехваты. Все выходило наружу. Значит, кто-то действовал изнутри. Так считал Алек, и я как мелкая сошка разделял его точку зрения.

– И вы вдвоем пришли к Смайли с *демаршем*. Видимо, его вы не рассматривали как потенциального предателя.

– Операцией “Складной нож” занималось Лондонское управление. Всем командовал Билл Хейдон и его подчиненные: Аллелайн, Бланд, Эстерхейзи. “Ребята Билла”, как мы их называли. Джорджа там близко не было.

– А Лондон и Секретка были на ножах?

– Лондон делал все, чтобы подмять под себя Секретку.

Джордж сопротивлялся этому силовому варианту. Как мог.

– А какова во всем этом была роль нашего великолепного шефа? Так называемого *Хозяина*.

– Он сталкивал нас лбами. Обычная история – разделяй и властвуй.

– Я правильно мыслю, что между Смайли и Хейдоном существовала личная неприязнь?

– Не исключено. Поговаривали, что у Билла была связь с Энн, женой Джорджа. Это застилало глаза Джорджу. А Билл сделал такой ход неслучайно. Он был хитрый лис.

– Смайли обсуждал с вами свою личную жизнь?

– Никогда. С подчиненным о таком не говорят.

Кролик обдумывает мои слова – похоже, не поверил, уже собирается копнуть дальше, но потом передумывает.

– Итак, операция “Складной нож” сдулась, и вы пришли со своими проблемами к Смайли. Лицом к лицу. Втроем. Лимас и вы при нем. Невзирая на низший статус.

– Меня попросил Алек. Он себе не доверял.

– Это почему?

– Горячий был.

– Где происходила эта встреча *à trois*?⁵

– Какое, черт побери, это имеет значение?

– Я пытаюсь себе представить надежное убежище. О ко-

⁵ Втроем (*фр.*).

тором вы мне еще не говорили, но скажете. Я подумал, что сейчас самое время.

А я-то убаюкал себя мыслью, что эти сплетни уведут нас подальше от губельной пучины.

– В принципе мы могли воспользоваться конспиративной квартирой, но во всех квартирах Лондонское управление установило прослушку. Еще был дом Джорджа на Байуотер-стрит, но там находилась Энн, и было общее понимание, что ее не стоит посвящать в тайну, которую она не в состоянии сохранить.

– Она бы побежала к Хейдону?

– Я этого не говорил. Просто было такое ощущение. Вот и всё. Мне продолжать?

– Всенепременно. Если не возражаете.

– Мы зашли за Джорджем на Байуотер-стрит и совершили моцион по Саут-бэнк. Был теплый летний вечер. Он часто жаловался на недостаток физических упражнений.

– И в результате этого вечернего моциона вдоль реки родилась операция “Паданец”?

– О господи! Когда вы уже повзрослеете!

– Уже повзрослел, не переживайте. А вот вы молодеете на глазах. И как прошел разговор? Я весь внимание.

– Мы говорили об измене. В целом, без подробностей. Любой член Лондонского управления, нынешний или вчерашний, подозревался по определению. Пятьдесят – шестьдесят потенциальных предателей. Мы говорили о том, кто,

имея доступ к информации, мог раз за разом проваливать операцию. Но мы понимали: при том что руководит Билл, Перси Аллелайн ест из его рук, а Бланд и Эстерхейзи подключаются в любой момент, все, что нужно предателю, – это появиться на открытой планерке или посидеть в баре с начальством и послушать разглагольствования Аллелайна. Билл всегда считал закрытость предрассудком. “Все должны быть в курсе”. Это давало ему идеальное прикрытие.

– И как Смайли отреагировал на ваш демарш?

– Сказал, что подумает и потом с нами свяжется. Ничего другого от Джорджа мы и не ждали. Пожалуй, я выпью кофе, раз уж предлагают. Черный. Без сахара.

Я потянулся, встряхнулся, зевнул. Возраст, что вы хотите. Но Кролик на это не купился, а Лора уже давно меня раскусила. Они смотрели на меня так, словно терпят из последних сил. И никакого кофе.

* * *

Кролик теперь держался как строгий юрист. Никаких прищуров. Никаких внятных повторов для слабоумного старика, который еще к тому же плохо слышит.

– Я хочу вернуться к тому, с чего мы начали, если не возражаете. Вы и Закон. Служба и Закон. Сосредоточились?

– Пожалуй.

– Я уже упомянул о ненасытном интересе британ-

ской общественности к историческим преступлениям. Что не ускользает от внимания наших доблестных парламентариев.

– Да? Возможно.

– Как и о суде. Все жаждут кого-то заклеить в исторических грехах. Наш новый национальный вид спорта. Нынешнее безвинное поколение против виновного. Кто покается за грехи наших отцов, даже если когда-то это не считалось грехами? Но вы ведь не отец? Хотя, если верить вашему досье, у вас должна быть толпа внуков.

– Вы, кажется, сказали, что мое досье превратили в отбивную. Вы берете свои слова обратно?

– Я пытаюсь прочитать ваши эмоции. Пока не получается. Или они отсутствуют, или их там целый рой. Вы легко относитесь к смерти Лиз Голд. Почему? И так же легко к смерти Алека Лимаса. В отношении операции “Паданец” у вас полная амнезия, хотя мы прекрасно знаем, что вы имели к ней доступ. В отличие, заметьте, от вашего покойного друга Алека Лимаса – притом что он погиб на боевом посту. Прошу меня не перебивать. – Он продолжил, простив мне мою невоспитанность. – Кажется, начинают просматриваться очертания нашей сделки. Вы признали, что при словах *операция “Паданец”* слышите далекий звон. Возможно, сказали вы столь же великодушно, сколь и глупо, это название тренировочного курса. Как насчет такого предложения? Вы постараетесь получше расслышать звон, а *мы* в ответ прояс-

ним нашу позицию?

Я задумываюсь, трясую головой, пытаюсь расслышать отдаленный перезвон. У меня появилось ощущение, что надо биться до последнего солдата, и этот последний солдат – я.

– Я *смутно* припоминаю, Кролик, – уступаю я, делая шаг жок в его сторону, – что “Паданцем”, если ничего не путаю, называлась не *операция*, а *источник*. К тому же липовый. Отсюда и недопонимание. – Я надеялся, что мой собеседник смягчится, но как бы не так. – Этот *потенциальный* источник не одолел первого же препятствия. И, само собой, был тут же отсеян. Записали и забыли. – Я развиваю дальше свою мысль. – Этот источник достался Джорджу как наследие прошлого. Еще одно *историческое* досье, если хотите, – почтительный кивок в сторону Лоры. – Восточногерманский профессор литературы барокко в Веймарском университете. Приятель Джорджа с военных лет, выполнявший для нас разные мелкие поручения. Он связался с Джорджем через какого-то шведского ученого... в пятьдесят девятом, кажется... – Плети словеса, ходи вокруг да около, золотое правило. – *Проф*, как мы его окрестили, утверждал, что у него есть горячие новости о сверхсекретном соглашении между двумя половинками Германии и Кремлем. Якобы он это услышал от единомышленника из администрации ГДР. – Все это слетает у меня с языка, как в былые времена. – Объединение двух Германий с условием, что они останутся нейтральными и безоружными. То, чего *категорически* не желал За-

пад: мощный властный вакуум в центре Европы. Если Цирк тайно вывезет его на Запад, Проф обещал нам выложить все на блюдечке.

Печальная улыбка, покачивание стариковской седой головы – и никакой реакции по ту сторону большого стола.

– Как потом выяснилось, Проф мечтал о теплом местечке в Оксфорде, гарантированной пенсии, рыцарском звании и чаепитии с королевой. – Я рассмеялся. – И, само собой, он все это придумал. Полная фигня. Дело закрыли, – закончил я с ощущением хорошо сделанной работы, которой сейчас молча аплодирует Смайли, где бы он ни находился.

Зато Кролик не аплодировал. Как и Лора. Первый выглядел чересчур озабоченным, а вторая словно не верила своим ушам.

– Питер, знаете, в чем проблема? – заговорил Кролик после паузы. – То, что вы нам сейчас выдали, в точности повторяет всю эту хрень из фальшивых досье по поводу “Паданца” в центральном архиве. Я прав, Лора?

Очевидно, что он был прав, так как она отозвалась мгновенно.

– Практически слово в слово, Кролик. Придуманно с единственной целью – увести подальше того, кто сунет свой любопытный нос в эти дела. Такого профессора не существовало, а вся история сфабрикована от начала до конца. Но звучит красиво. Если надо было спрятать операцию “Паданец” от шустрых глаз Хейдона и ему подобных, фальшивое досье

в центральном архиве – идеальная дымовая завеса, так что все это имеет смысл.

– А знаете, что *не имеет* смысла, Питер? – подхватил Кролик. – То, что перед нами сидит старый человек и впаривает нам ту же белиберду, которую вы и Джордж Смайли и остальные члены Секретки впаривали когда-то. – Тут он позволил себе легкий дружелюбный прищур.

– Видите ли, Пит, мы подняли старую финансовую отчетность всемогущего Хозяина, – пришла мне на помощь Лора, пока я обдумывал свой ответ. – Его черный фонд. Хотя это его личные деньги для манипуляции тайным голосованием, но все равно приходится отчитываться. Я понятно выражаюсь, Пит? – Она говорит со мной как с ребенком. – Он передавал эти деньги из рук в руки своему доверенному лицу в Казначействе. Оливеру Лейкону, впоследствии сэру Оливеру, ныне покойному лорду Лейкону из Западного Аскота...

– Может, вы объясните, какое все это имеет отношение ко мне?

– Самое прямое, – невозмутимо отвечает Лора. – В своем финансовом отчете Казначейству, предназначенном исключительно для одного Лейкона, Хозяин называет имена двух сотрудников Цирка, которые при необходимости предоставят полную и исчерпывающую картину всех затрат, связанных с операцией под кодовым названием “Паданец”. На случай, если дополнительные расходы будут поставлены под со-

мнение потомками. Хозяин в этом отношении (другие оставим на его совести) всегда отличался благородством. Первый сотрудник – Джордж Смайли. Второй – Питер Гиллем. Вы.

Кролик как будто ничего этого не слышал, опустив голову, погруженный в бумаги, скрытые от меня и требующие его безраздельного внимания. Но вот и он подал голос.

– Лора, расскажите ему про конспиративную квартиру, которую вы обнаружили. Тихая квартирка Секретной службы, где Питер складировал все украденные им досье. – Он сказал это как бы между прочим, слишком занятый другими важными делами.

– Ну да, существует конспиративная квартира, как сказал Кролик, фигурирующая в финансовых отчетах, – с готовностью объяснила Лора. – А при ней домохозяйка и, мало того, – негодующе, – некий загадочный джентльмен по фамилии Мендель, не упоминаемый ни в каких документах Службы и нанятый Секреткой как агент исключительно для операции “Паданец”. Двести фунтов в месяц, падающие на его счет в почтовом отделении Уэйбриджа, плюс на дорожные и прочие расходы еще пара сотен, подотчетные деньги с анонимного счета под контролем процветающей юридической компании. А управляет этим счетом, по доверенности и в полном объеме, Джордж Смайли.

– А кто такой этот Мендель? – поинтересовался Кролик.

– Вышедший на пенсию полицейский, – ответил я на автопилоте. – Имя – Оливер. Не путать с Оливером Лейконом.

– Где и как его завербовали?

– Давнее знакомство. Джордж с ним уже успел поработать в другом деле. Джорджу нравилась линия его носа. Нравилось, что он не принадлежит Цирку. Джордж называл его глотком чистого воздуха.

Устав от беседы, Кролик вдруг откинулся на спинку стула и замахал кистями рук, словно расслабляясь во время долгого полета.

– Давайте попробуем взглянуть правде в глаза. – Он подавил зевету. – Черный фонд Хозяина в настоящий момент является единственным достоверным источником, который а) проливает свет на цели и предпринятые действия в операции “Паданец” и б) подсказывает, как нам защищаться от необоснованных гражданских акций и частных исков против Службы и лично против вас, Питер Гиллем, поданных *Кристофом* Лимасом, единственным наследником покойного Алека, и *Карен* Голд, незамужней женщиной, единственной дочерью покойной Элизабет, она же Лиз. Вы про это что-нибудь слышали? Ну конечно. Только не говорите, что для вас это удивительная новость.

Развалившись на стуле и пробормотав себе под нос “Господи”, он ждал моей реакции. И, видимо, она заставила себя ждать, потому что я помню, как он властным тоном подстегнул меня: “Ну?”

– У Лиз Голд был *ребенок*? – слышу я собственный голос.

– Напористая копия матери, судя по ее последним действиям. Лиз исполнилось пятнадцать лет, когда ее обрюхатил какой-то олух из ее школы. По настоянию родителей она отдала младенца в приемную семью. При крещении девочка получила имя Карен. Хотя, может, ее и не крестили. Она ведь еврейка. Повзрослев, упомянутая Карен воспользовалась своим законным правом узнать, кто были ее настоящие родители. А дальше, вполне понятно, ее заинтересовало, где и при каких обстоятельствах погибла ее мать.

Он взял паузу на случай, если у меня возникнут вопросы. И вопрос, пусть не сразу, возник: как Кристоф и Карен узнали наши фамилии? Но был проигнорирован.

– Карен в ее поисках правды и примирения активно поддержал Кристоф, сын Алека, который, о чем она тогда не ведала, еще с тех пор как была разрушена Берлинская стена, лез из кожи вон, чтобы узнать, как и почему погиб его отец, – в чем, должен сказать, ему совсем не помогала Служба, которая делала все возможное, чтобы поставить на их пути самые охренительные препятствия, какие только можно себе вообразить, и даже больше. К сожалению, все наши усилия оказались контрпродуктивными, даже несмотря на то, что у германской полиции список претензий к Кристофу Лима-

су длиннее вашей руки.

Очередная пауза. Я не задаю вопросов.

– И вот двое истцов объединили свои усилия. Они убеждены, и небезосновательно, что их родители погибли в результате, можно сказать, пятизвездочной неразберихи, устроенной этой Службой и персонально вами и Джорджем Смайли. Они требуют полного разоблачения, возмещения ущерба и публичных извинений с обнародованием всех имен. Вашего, в частности. Вы знали, что у Алека Лимаса есть сын?

– Да. А где Смайли? Почему на этом месте не сидит он?

– А вам известно, кто его счастливая мать?

– Немка, которую Алек встретил во время войны, работая в тылу противника. Позже она вышла замуж за дюссельдорфского адвоката по фамилии Эберхардт. Он усыновил мальчика. Так что он не Лимас, а Эберхардт. Я спросил, где сейчас Джордж.

– Потом. И спасибо вам за такую прекрасную память. А другие знали о существовании сына? *Другие* коллеги вашего друга Лимаса? Нам и без вас это было бы известно, но, видите ли, его досье украли. – Ему надоело ждать моей реакции. – Было ли известно в самой Службе или на периферии, что у Алека Лимаса есть бастард по имени Кристоф, живущий в Дюссельдорфе? Да или нет?

– Нет.

– Это еще почему?

– Алек не распространялся о своей личной жизни.

– Вы, очевидно, были исключением. И вы с ним встречались?

– С кем?

– С Кристофом. Не с Алеком, разумеется. Кажется, вы опять решили не включать мозги.

– Ничего подобного. Отвечаю: нет, с Кристофом Лимасом я не встречался. – А про себя думаю: зачем баловать человека правдой? И, пока он переваривает мои слова, еще раз напоминаю: – Я вас спросил, где сейчас Смайли.

– А я проигнорировал ваш вопрос, как вы могли заметить.

Молчание, во время которого мы собираемся с новыми силами, а Лора задумчиво поглядывает в окно.

– *Кристоф*, будем называть его так, – монотонно продолжает Кролик, – парень небесталанный, Питер, даже если эти таланты криминального или полукриминального толка. Возможно, это гены. Убедившись в том, что его настоящий отец погиб возле Берлинской стены, с восточной стороны, он сумел добраться (каким образом, мы не знаем, но это вызывает уважение) до вроде бы закрытых архивов Штази и узнал три важных имени. Ваше, покойной Элизабет Голд и Джорджа Смайли. Через несколько недель он уже напал на след Элизабет, а затем, через государственные архивы, на след ее дочери. Было назначено свидание. Далекие друг от друга персонажи сблизились – до какой степени, не нам судить. Эта парочка проконсультировалась с высоконравственным, по-

мешанным на правах человека адвокатом в сандалиях на босу ногу – из тех, что готовы стереть эту Службу в порошок. В ответ мы думаем предложить истцам целое состояние в обмен на их молчание, но прекрасно понимаем, что тем самым лишь подтверждаем обоснованность их притязаний и как бы подталкиваем к тому, чтобы еще усилить давление. “Подавитесь, черти, вашими деньгами. Пусть заговорит сама История. Мы вырежем эту опухоль. Мы сделаем так, чтобы полетели головы”. Ваша, боюсь, одной из первых.

– И Джорджа, надо полагать.

– В результате мы имеем нелепый шекспировский сюжет: призраки двух жертв демонического Цирка являются в образе их отпрысков, чтобы бросить нам в лицо страшные обвинения. До поры до времени нам удастся сдерживать масмедиа, давая им понять – не то чтобы искренне, но какое это имеет значение? – что если Парламент самоустранится и уступит дорогу судебному процессу, дело будет слушаться при закрытых дверях, скромно и *тайно*, и мы сами будем решать, кого пускать в зал. В ответ истцы, подталкиваемые своими неугомонными защитниками, говорят: “Хрен вам, нам нужен открытый суд, нам нужны полные разоблачения”. Вы наивно спросили, откуда Штази знает ваши фамилии. Разумеется, от московского Центра, который им все слил. А московский Центр? Ну разумеется, от нашей Службы, еще раз спасибо труженику Биллу Хейдону, у которого в то время были развязаны руки, и это продолжалось еще

шесть лет, пока святой Георгий не прискакал на белом коне и не выкурил его оттуда. Вы по-прежнему поддерживаете отношения?

– С Джорджем?

– С Джорджем.

– Нет. Где он сейчас?

– И уже давно не поддерживаете?

– Нет.

– Когда в последний раз?

– Восемь лет назад. Десять.

– А если подробнее?

– Я был в Лондоне и зашел к нему.

– Куда?

– На Байуотер-стрит.

– И как он выглядел?

– Спасибо, хорошо.

– Мы ищем его там и сям. А ветреница Энн? С ней вы тоже не поддерживаете связь? *Связь* в переносном смысле, разумеется.

– Нет. И, если можно, без намеков.

– Ваш паспорт.

– Зачем?

– Тот, который вы предъявили на проходной. Ваш британский паспорт. – Он протягивает руку.

– Не понимаю, зачем?

Я все равно отдаю ему паспорт. А что мне остается?

Драться с ним?

– А остальные? – вдумчиво листая страницы. – В свое время у вас была куча паспортов под разными фамилиями. И где они?

– Все сдал. Отправились в шредер.

– У вас двойное гражданство. Где ваш французский паспорт?

– Мой отец англичанин, я служил Англии, мне достаточно британского. Я могу получить его обратно, с вашего позволения?

Но он уже исчез за пюпитром.

– Лора, ваша очередь, – Кролик снова обнаруживает ее присутствие. – Нельзя ли немного поподробнее о конспиративной квартире на Уиндфолл-стрит?

Игра проиграна. Я врал до последнего. Но патроны закончились, бобик сдох.

* * *

Лора снова погружается в бумаги, которых мне не видно. Я стараюсь не обращать внимания на струйки пота, заливающие мою грудную клетку.

– Конспиративная квартира, да, и еще какая, Кролик! – соглашается она, отрываясь от бумаг, и глаза ее сияют. – Посвящена исключительно операции “Паданец”. Расположена в пределах Центрального Лондона. Под кодовым названием

Конюшня. С постоянной домоправительницей по усмотрению Джорджа Смайли. Вот, собственно, и всё.

– Вспоминаете? – спрашивает меня Кролик.

Они молчат. И я молчу. Лора продолжает свой тет-а-тет с Кроликом.

– Похоже, даже Лейкону не полагалось знать, где она находится и кто за ней присматривает. Что, с учетом высокого положения Лейкона в Казначействе и его осведомленности о других конспиративных квартирах Цирка, мне кажется, говорит о некоторой паранойе Хозяина, но кто мы такие, чтобы его критиковать?

– Вот именно. Конюшня – в смысле “у нас все чисто”? – заинтересовался Кролик.

– Скорее всего, – соглашается Лора.

– Идея Смайли?

– А вы у Пита спросите.

Вот только Пит – достала уже она меня этим Питом! – окончательно оглох, не надо даже притворяться.

– Хорошая же новость, – обращается к ней Кролик, – состоит в том, что эта конспиративная квартира никуда не делась! То ли было так задумано, то ли это чье-то упущение (подозреваю, что второе), но Конюшня продолжала оставаться на тайном балансе при *четырёх* Хозяевах подряд. И *поныне* на своем месте. А наше верховное начальство даже не подозревает о ее существовании и тем более не знает, где она находится. Еще забавнее то, что при нынешних строгих

нравах наше старое доброе Казначейство смотрит на эти расходы сквозь пальцы. Уже который год молча благословляют закрытую статью. – Он переходит на гомофобское сюсюканье: – *Это наш секретик, так что все помалкивают. Расписались, где положено, и ни слова мамочке.* Квартира снята в аренду. Кто арендатор, когда истекает срок договора, какой добрый дядя все это оплачивает – мы не имеем ни малейшего представления. – Наконец он обращается ко мне и снова берет суровый тон: – Питер. Пьер. Пит. Что-то вы затихли. Просветите нас, будьте так добры. Кто же этот добрый дядюшка?

Когда ты загнан в угол, когда ты перепробовал разные трюки и ни один не сработал, у тебя остается не такой большой выбор маневров. Можно множить ложь – я через это проходил и ничего не добился. Можно затаиться в надежде, что этим все закончится. Тоже проходили, не заканчивается. Остается признать, что тебя загнали в угол, и тогда выход один: либо резать правду-матку, либо колоться по минимуму – авось проскочит, и ты как пай-мальчик заработаешь несколько зачетных очков. Вряд ли то или другое сработает, но, может, хотя бы паспорт отдадут.

* * *

– У Джорджа был ручной адвокат. – Я чувствовал, как во мне помимо воли просыпается кающийся грешник. – То,

что вы называете *процветающий*. Дальний родственник Энн. Он (или она) согласился выступить в роли предохранителя. Это не квартира, а конспиративный дом в три этажа, который сдал в аренду офшорный траст, зарегистрированный на голландских Антильских островах.

– Заговорил как герой, – одобрительно сказал Кролик. – А как зовут домоправительницу?

– Милли Маккрейг. Бывший агент Джорджа. Она и раньше по его распоряжению выступала в этом качестве. Так что у нее уже был опыт. Когда только началась операция “Падавец”, она в интересах Лондонского управления присматривала за конспиративным домом в Нью-Форесте. Место называлось Лагерь № 4. Джордж предложил ей уволиться и перейти под начало Секретки. Он приписал ее к черному фонду и поселил в Конюшне.

– И где же, позвольте полюбопытствовать, она находится? – спросил Кролик.

И я им сообщил адрес вместе с номером телефона, который сам сорвался у меня с языка, как будто только и ждал этого момента. После чего на сцене произошли физические действия, заключающиеся в том, что Кролик и Лора вместе рылись среди бумаг, пока он не выудил широкоформатный мобильный телефон, настолько затейливый, что это было выше моего разума, и, с молниеносной скоростью пробежавшись по клавишам, протянул его мне.

Раз в десять медленнее Кролика я набрал номер Конюш-

ни и вздрогнул, услышав, как телефонные звонки зазвучали на всю комнату, что было не только чудовищным нарушением безопасности, с точки зрения человека, чувствующего свою вину, но еще и актом откровенного предательства, как будто меня одним махом раскрыли, поймали с поличным и перевербовали. А телефон продолжал звонить. Мы ждали. Никто не брал трубку. Я уже подумал, что Милли по обыкновению пошла в церковь, или куда-то укатила на велосипеде, или уже не такая шустрая, как все мы, старички. А скорее всего, просто умерла и лежит на кладбище, ибо, какой бы прекрасной и недосыгаемой она нам когда-то ни казалась, Милли была на пять лет старше меня.

Вдруг звонки прекратились. Послышалось шуршание, и я подумал, что сейчас переключится на автоответчик. И тут, к моему изумлению (просто не верится), я услышал голос Милли – все тот же резкий, как звук пилы, неодобрительный голос шотландки-пуританки, который я любил копировать, чтобы поднять настроение Джорджу:

– *Да? Алло?* – И, с негодованием реагируя на мое замешательство так, словно сейчас глубокая ночь, а не семь часов вечера: – *Это кто звонит?*

– Это я, Милли. Питер Уэстон, – заговорил я. И для пущей убедительности подкинул кодовую кличку Смайли: – Друг мистера Барраклофа, если помните.

Я ожидал, даже надеялся, что Милли Маккрейг хоть раз в жизни понадобится время, чтобы собраться, но она ото-

звалась так быстро, что замешательство испытал опять я, а не она.

– Мистер Уэстон?

– Он самый, Милли, не его тень.

– Идентифицируйте себя, мистер Уэстон, будьте добры.

Идентифицировать себя? Разве я ей не назвал два кодовых имени? И тут до меня дошло: ей нужен мой точечный ориентир, тайный шифр, в основном применявшийся не столько в лондонских, сколько в московских телефонных разговорах, и Смайли в далекие времена холодной войны настаивал на его использовании. Я взял со стола деревянный коричневый карандаш и, поднеся модняцкий мобильник ближе к столешнице и чувствуя себя полным идиотом, отстучал ветхозаветную шифровку: три удара, пауза, один удар, пауза, два удара. И ведь сработало! Милли тотчас отозвалась и милым, услужливым тоном сказала, как она рада меня слышать после стольких лет, и спросила, чем может мне помочь.

Меня так и подмывало откликнуться: “Милли, скажите на милость, все это со мной происходит в реальности или в фантазиях мучимого бессонницей шпиона позавчерашнего дня?”

Глава 4

Вчера утром по приезде в Лондон я поселился в жутком отеле возле вокзала Черинг-Кросс и выложил девяносто фунтов в качестве аванса за клетушку размером с катафалк. По дороге я навестил своего старого приятеля и моего бывшего пехотинца Берни Лавендара, а ныне мужского портного в дипломатическом корпусе; их пошивочные мастерские располагались в крошечном полуподвальном помещении неподалеку от Сэвил-роу. Но размеры помещения мало интересовали Берни. А вот что представляло для него интерес – а заодно и для Цирка, – так это возможность проникнуть в дипломатические круги на Кенсингтон-Палас-Гарденс и Сент-Джон-Вуд, чтобы сделать что-то полезное для Англии и на гарнир получить небольшое вознаграждение, не облагаемое налогом.

Мы обнялись, он опустил шторы и запер дверь на засов. Отдавая дань прошлому, я примерил лежалый товар – несколько пиджаков и костюмов, которые иностранные дипломаты по неизвестным причинам так и не забрали. А под конец, тоже дань прошлому, я доверил ему запечатанный конверт – пусть полежит у него в сейфе до моего возвращения. В конверте был мой французский паспорт, но даже если бы там находились планы высадки морского десанта в Нормандии, Берни отнесся бы к нему с таким же пиететом.

И вот сейчас я вернулся за ним.

– Как поживает мистер Смайли? – спрашивает Берни, понизив голос, то ли из чувства почтения, то ли из преувеличенных соображений безопасности. – Что-нибудь от него слышно, мистер Джи?

Я, отвечаю, давно ничего не слышал. А вы, Берни? Увы, он тоже. Мы посмеиваемся над привычкой Джорджа исчезать надолго без всяких объяснений.

Но вообще-то мне не смешно. Что, если Джордж *умер* и Кролику это известно, но он предпочитает молчать? Но даже такой человек, как Джордж, не сумел бы умереть втайне от всех. А как насчет Энн, его заведомо неверной жены? Недавно до меня дошел слух, что ей надоели романтические приключения и она сошлась с модным благотворительным фондом. Но оказалась ли эта связь столь же недолгой, как и все предшествующие, оставалось только гадать.

Спрятав в карман свой французский паспорт, я отправился на Тоттенхэм-Корт-роуд, где купил парочку одноразовых мобильных телефонов с запасом разговоров на десять фунтов в каждом. А еще, по зрелом размышлении, взял бутылочку скотча, который забыл купить в аэропорту Ренна, и это, пожалуй, причина того отрадного факта, что память о прошедшей ночи стерлась из моей памяти.

Поднявшись с рассветом, я погулял часок под морозящим дождиком и скверно позавтракал в какой-то закусочной. И только потом, с чувством обреченности и сомнения

в том, что это реально происходит, я нашел-таки в себе силы остановить черное такси и дал водителю адрес дома, где на протяжении двух лет я познал столько радости, стресса и боли, сколько не испытывал ни в каком другом месте за всю свою жизнь.

* * *

Мне помнилось, что дом № 13 по Дизраэли-стрит, он же Конюшня, – это обшарпанное, неотреставрированное викторианское здание, последнее в ряду других, на перекрестке с Блумсбери-стрит. И, к моему удивлению, таким оно передо мной сейчас и предстало: неизменное, нераскаявшееся, откровенный вызов ярким, принаряженным соседям. Девять утра, назначенное время, а на ступеньках стоит стройная женщина в джинсах, кроссовках и кожаной курточке и с кем-то ругается по мобильному телефону. Я уже собираюсь сделать дополнительный круг, и тут до меня доходит, что это та самая Лора, она же История, одетая по моде.

– Хорошо спали, Пит?

– Как ангел.

– Какую из кнопок мне нажать, чтобы не подхватить гангрену?

– Попробуйте “Этику”.

Смайли выбрал это название как наименее привлекательное. Парадная дверь открылась, и в полутьме возник при-

зрак Милли Маккрейг. Некогда смоляные волосы стали седыми, как и мои, атлетическая фигура с возрастом ссутулилась, но во влажных синих глазах горел все тот же огонь. Она позволила мне вместо поцелуя прижаться к своим впалым кельтским щечкам.

Лора прошла мимо нас в прихожую. Женщины стояли лицом к лицу, как боксеры перед боем, а меня захлестнула такая волна узнавания и раскаяния, что возникло только одно желание – развернуться и, захлопнув за собой дверь, бежать без оглядки. То, что я увидел вокруг, превзошло бы мечты самого взыскательного археолога: скрупулезно сохраненный склеп с нерушимыми печатями как память об операции “Паданец” и о тех, кто был в нее вовлечен, со всеми историческими артефактами – от висящей на крючке моей униформы доставщика пиццы до стоящего на подставке винтажного дамского велосипеда с плетеной корзинкой, дзинькающим звонком и рексиновской хозяйственной сумкой, с которой Милли Маккрейг ездила за покупками.

– Желаете посмотреть дом? – произносит Милли безучастным тоном, словно обращаясь к потенциальной покупательнице.

– Здесь должен быть черный ход. – Лора предъявляет ей архитектурный план дома. И где, интересно знать, она его раздобыла?

Мы стоим у застекленной кухонной двери. За ней просматривается крошечный садик с овощными грядками в се-

редине. Мы с Оливером Менделем первыми их вскопали. Голая веревка для белья – Милли готовилась к нашему приходу. Старая клетка для птиц. Мы с Менделем сколотили ее однажды ночью из ненужных досок, и Мендель под моим не совсем трезвым руководством выжег по дереву табличку: “Все птицы, добро пожаловать”. И вот она стоит, такая же стройная и гордая, как в день рождения, в честь которого была построена. Между овощными грядками вьется каменная дорожка, ведущая к узкой калитке, а та ведет к частной автостоянке, а оттуда попадаешь в переулочек. Не может быть конспиративного дома без черного хода, как утверждал Джордж.

– Кто-нибудь входил в дом через черный ход? – спрашивает Лора.

– Хозяин, – отвечаю я за Милли. – Ни за какие коврижки не воспользовался бы главным входом.

– А остальные?

– Через главный вход. После того как Хозяин принял решение пользоваться черным ходом, он стал его, можно сказать, персональным лифтом.

Будь щедр на детали, говорю я себе. А остальное спрячь в памяти поглубже и выброси ключ. На очереди у Лоры деревянная винтовая лестница, воспроизводящая в миниатюре все темные лестницы в домах, принадлежащих Цирку. Мы уже собираемся по ней подняться, когда под звяканье колокольчика к нам выходит кот – большой черный длинно-

шерстный, злобный на вид зверюга с красным ошейником. Он садится, зевает и останавливает взгляд на Лоре. Та тоже на него смотрит, а затем поворачивается к Милли.

– Она тоже на бюджете?

– Это он, и я, если вам так интересно, оплачиваю расходы из своего кармана.

– У него есть имя?

– Да.

– И оно засекречено?

– Да.

Поднявшись до площадки между двумя пролетами – впереди Лора, за ней осторожно следует кот, – мы останавливаемся перед обитой зеленым сукном дверью с цифровым замком. За ней находится шифровальная. Когда Джордж прибрал к рукам этот дом, дверь была стеклянная, но шифровальщик Бен не мог позволить, чтобы его пальцы кто-то видел, поэтому появилось сукно.

– *Так.* Кто знает комбинацию? – спрашивает Лора деловитым тоном наставницы скаутов.

Поскольку Милли молчит, я неохотно называю: 21–10–05, дата Трафальгарской битвы.

– Бен служил в королевском флоте, – поясняю я. Не знаю, поняла ли Лора связь, но она никак не отреагировала.

Усевшись на крутящийся стул, она разглядывает набор дисков и переключателей. Щелкает одним. Ничего. Поворачивает диск. Ничего.

– Электричество отключено с тех самых пор, – бормочет Милли, обращаясь не столько к Лоре, сколько ко мне.

Развернувшись на стуле, Лора тычет пальцем в зеленый стенной сейф.

– Так. А ключ от него есть?

Эти ее “так” действуют мне на нервы. Как и обращение “Пит”. Милли выбирает ключ из связки. Замок поворачивается, дверца открывается, Лора заглядывает внутрь и, словно косою, выгребает на циновку из волокна кокосового ореха шифровальные таблицы с грифом “сверхсекретно”, карандаши, конверты повышенной прочности, выцветшие одноразовые блокноты – дюжина в целлофановой упаковке.

– Все остается в таком виде, понятно? – Она обернулась к нам. – Никто ни к чему не прикасается. Вы меня поняли? Пит? Милли?

Она снова выходит на лестницу и начинает подниматься, но на середине пролета ее останавливает Милли:

– Извините! Вы собираетесь войти в мои личные апартаменты?

– А если и так?

– Вы можете проинспектировать мое жилище и личные вещи только после заранее врученного письменного уведомления, подписанного компетентным начальником Головного офиса. – Милли произносит это на одном дыхании, без модуляций и, как я подозреваю, после соответствующих репетиций. – А пока я попрошу вас уважать частную жизнь, как

того требуют мой возраст и мое положение.

Реакция Лоры пахивает таким кощунством, что даже Оливер Мендель в лучшие дни не позволил бы себе подобного.

– Это почему, Милл? Вы что, кого-то у себя прячете?

* * *

Закодированный кот исчез. Мы стоим в Средней комнате, названной так после того, как мы с Менделем когда-то разобрали старую фанерную перегородку. Если посмотреть с улицы, то вы увидите еще одно грязное занавешенное окно на первом этаже. А вот изнутри картина другая: нет никакого окна, потому что однажды в субботу, метельным февральским вечером, мы заложили его кирпичом, и с тех пор здесь царит вечная темнота, пока не включишь лампочки в зеленых абажурах, какие вешают в казино над игровым столом. А мы их нашли в Сохо, в какой-то лавчонке.

В центре комнаты стоят два громоздких викторианских стола. Один принадлежал Смайли, а вторым изредка пользовался Хозяин. Их происхождение оставалось загадкой, пока как-то вечером Смайли не рассказал нам за скотчем, что это кузина Энн распродала обстановку в Девоне, чтобы заплатить налог на наследство.

– А это что за жуть такая, свят, свят, свят?

Глаза у Лоры загорелись, что неудивительно. На стене, по-

зади стола Хозяина, висит большая схема, три на два фута. Жуть? Я бы не сказал. Угрожающая жизни – это да. Я безотчетно хватаю ясеневую трость, что висит на спинке стула Хозяина, и читаю целую лекцию, которая должна не столько просветить, сколько отвлечь ее внимание.

– Вот *это*, Лора, – указываю тростью на лабиринт из цветных линий и названий, чем-то напоминающий головоломную карту лондонской подземки, – доморощенная репрезентация нашей восточноевропейской разведывательной сети под кодовым названием “Мэйфлауэр”, существовавшей до “Паданца”. Вот – глава всего, основатель и вдохновитель тайной сети, ее оперативного центра и всего контура, дальше – его непосредственные источники и, по убывающей, другие источники, добровольные и прочие, с конспективным описанием их продукции и рейтинга в Уайтхолле и с нашей внутренней оценкой их надежности по шкале от одного до десяти.

Я снова вешаю трость на спинку стула. Похоже, мне не удалось ни отвлечь внимание Лоры, ни ее запутать. Она внимательно изучает кодовые имена, ставя против каждого галочку. За моей спиной Милли тихонько покидает комнату.

– Об операции “Мэйфлауэр” мы *кое-что* знаем, – произносит Лора тоном учительницы. – Сохранилось случайное досье, которое вы любезно оставили в общем архиве. Есть у нас и собственные источники. – Она дает мне несколько секунд на то, чтобы переварить эту информацию. – А поче-

му все проходят под названиями садовых растений?

– Тематический подход, Лора. – Я стараюсь по возможности поддерживать высокомерный тон. – “Мэйфлауэр”⁶ и все в том же духе. Корабельную тематику мы не трогали.

И снова она меня проигнорировала.

– И что означают эти *звезды*?

– Радиосигналы, Лора. Не звезды. Образно выражаясь, искры. В случаях, когда полевикам выдавались радиоприемники. Красный – активный, желтый – потаенный.

– *Потаенный*?

– Зарытый в землю. Обычно в тонкой клеенке.

– Если я прячу, то я *прячу*, – сообщает она мне, продолжая разбираться с кодовыми именами на схеме. – А не *таю*. Избавьте меня от своего шпионского жаргона. Я не член мужского клуба. А это что за плюсы? – Она ткнула пальцем в кружок с соответствующим значком.

– Не плюсы, Лора, а *крестики*.

– Агенты, которых выдали?

– Которые вышли из игры.

– В смысле?

– Погорели. Отказались. Разные причины.

– А с этим что произошло?

– С Фиалкой?

⁶ *Mayflower* – боярышник (*англ.*), а также название торгового судна, на котором англичане высадились в Северной Америке в 1620 году и основали одно из первых британских поселений. (*Прим. перев.*)

– Да. Что произошло с Фиалкой?

Прижимает меня к стенке? Похоже на то.

– Фиалка пропала. Подозревали допросы с пристрастием. Работала в Восточном Берлине с пятьдесят шестого по шестьдесят первый. Возглавляла команду наблюдателей за подвижным составом. Все зафиксировано... – Имея в виду: читайте сами.

– А этот парень? Тюльпан?

– Тюльпан – женщина.

– А хэштег?

Уж не для того ли она так долго выжидала, чтобы ткнуть пальчиком именно в этот кружок?

– Хэштег, как вы его назвали, – это *символ*.

– Догадываюсь. Символ чего?

– Тюльпан была православного вероисповедания, поэтому ей присвоили соответствующий крест. – Я делаю все, чтобы мой голос не дрогнул.

– Кто присвоил?

– Женщины. Две сотрудницы.

– Каждый верующий агент получал крест?

– Православные убеждения Тюльпан отчасти мотивировали ее работать на нас. О чем и говорит крест.

– Ее судьба?

– Исчезла с наших экранов, увы.

– У вас тогда не было экранов.

– Не исключено, что решила закруглиться. С пехотинца-

ми такое случается. Прерывают контакты и пропадают с концами.

– На самом деле ее звали Гамп, так? Как зонтик⁷. Дорис Гамп?

То, что я сейчас испытываю, тошнотой не назовешь. По крайней мере, с желудком это никак не связано.

– Возможно. Гамп. Да, кажется, так. Удивительно, откуда вам это известно.

– Может, вы не все досье украли. Это была большая потеря?

– Что именно?

– Ее решение закруглиться.

– Не думаю, что она *объявила* о своем решении. Просто перестала выходить на связь. В каком-то смысле – да, потеря. Тюльпан была важным источником. Солидным, да.

Перебор? Недобор? Легковесно? Она это обдумывает. Пауза затягивается.

– Мне казалось, вас интересует “Паданец”, – напоминаю я ей.

– Нас интересует всё. “Паданец” – лишь зацепка. Что случилось с Милли?

Милли? Ах да, Милли. Не Тюльпан.

– Когда?

– Сейчас. Куда она ушла?

– Вероятно, к себе наверх.

⁷ *Gamp* – зонтик (англ.).

– Вы ее не позовете? Меня она ненавидит.

Я открываю дверь, а за ней стоит Милли со своей связкой ключей. Протиснувшись мимо нее, Лора устремляется дальше по коридору с планом дома в руке. Я отстаю.

– Где Джордж? – шепотом спрашиваю у Милли.

Она мотает головой. Не знает? Не спрашивать?

– Милли, ключи!

Она добросовестно отпирает двойные двери в библиотеку. Лора делает шаг вперед и тут же, как в дешевом фарсе, два назад с дежурным воплем “Мать честная!”, который наверняка разбудил всех мертвых в Британском музее. Не веря своим глазам, она приближается к полкам, уставленным потрепанными томами от пола до потолка. Осторожно берет восемнадцатый том разрозненного тридцатитомного собрания “Британской энциклопедии” 1878 года. Открывает, с удивлением пролистнув несколько страниц, швыряет на столик и снимает с полки “Путешествия по Аравии и не только” 1908 года, тоже разрозненное собрание, стоившее (как ни странно, помню) пять шиллингов и шесть пенсов за том, один фунт за все собрание, после того как Мендель сбил цену у торговца.

– Вы мне не объясните, кто читает или читал эту белиберду? – спрашивает меня Лора.

– Все, кто был допущен к операции “Паданец” и имел на то основания.

– В каком смысле?

– Джордж Смайли считал, – я стараюсь отвечать с максимальным достоинством, – что раз уж бог не дал нам укрепленной крепости на берегу Темзы, то естественное укрытие лучше всякой физической защиты. И что если зарешеченные окна и стальной сейф лишь провоцируют местного бандита на преступление, то не родился еще такой вор, который бы мечтал о бумажном ворохе...

– Покажите мне, о'кей? Все, что вы украли. И перенесли сюда.

Я залезаю на стремянку перед камином, заваленным высушенными цветами, и выуживаю с верхней полки “Путеводитель по френологии для широкого читателя” Генри Рамкена, доктора наук, выпускника Кембриджского университета; страниц в ней нет, зато есть папка из буйволовой кожи. Передав ее Лоре, я возвращаю книгу доктора Рамкена на место и спускаюсь на твердую землю. Лора присела на подлокотник кресла и изучает добычу. Милли снова исчезла.

– Здесь упоминается некто *Пол*. А как его зовут дома? – напускается на меня Лора.

На этот раз мне не удается идеально выдержать ровный тон.

– *Дома* его никак не зовут, Лора. Потому что он уже на том свете. Имя *Пауль*, по-немецки, среди прочих имен прикрытия, Алек Лимас использовал в Берлине в кругу своих пехотинцев. – Взяв себя в руки, я продолжаю уже более неприужденно: – Имена он все время менял. Не особенно дове-

рял людям вокруг. Или, скажем так, не доверял Лондонскому управлению.

Последнее ее заинтересовало, хотя она старается этого не показывать.

– Здесь *все* файлы? От и до? Все, что вы украли, спрятано в старых книгах, так?

Возможность ее просветить доставляет мне удовольствие.

– Боюсь, что *не все*, Лора. Джордж придерживался правила: сохранять минимум. Остальное в шредер. Обрезки сжигались. Такое правило.

– А где шредер?

– Вон там в углу.

Она его только сейчас заметила.

– Где сжигали?

– В этом камине.

– Акты об уничтожении имущества составлялись?

– Тогда бы нам пришлось сжигать и акты, разве нет?

Пока я наслаждаюсь своей маленькой победой, она переводит взгляд в дальний темный угол, где висят рядом две фотографии мужчин, стоящих в полный рост. На этот раз не раздается дежурный вопль “Мать честная!”, она просто крадучись направляется туда, словно опасаясь, что они сейчас улетят.

– А эти красавцы кто?

– Йозеф Фидлер и Ганс-Дитер Мундт. Соответственно глава и замглавы оперативного управления Штази.

– Слева у нас кто?

– Фидлер.

– А подробнее?

– Немецкий еврей из академической семьи, родители погибли в концлагере. Изучал гуманитарные науки в Москве и Лейпциге. Потом попал в Штази. Шустр, умен, терпеть не может стоящего с ним рядом.

– Мундта.

– Методом исключения – да, Мундта, – соглашаюсь я. –

Имя: Ганс-Дитер.

Ганс-Дитер Мундт в двубортном костюме, застегнутом на все пуговицы. Руки убийцы прижаты к бокам, с презрением глядит в камеру. Как будто присутствует на казни. То ли чужой, то ли собственной. В любом случае выражение лица уже не изменится, а ножевая рана на щеке уже не заживет.

– Ваш объект, да? Человек, которого ваш дружок Алек Лимас должен был убрать? Вот только Мундт сам убрал Алека Лимаса, верно? – Она возвращается к Фидлеру. – А Фидлер был вашим суперагентом? Главным поставщиком секретной информации. Великим добровольцем. Записался, но так и не появился. Просто оставлял у вас на крыльце горячие разведданные и тихо исчезал, не показав лица. Раз за разом. И вы до сих пор толком не знаете, являлся ли он вашим пехотинцем, так?

Я набираю в легкие побольше воздуха.

– Все полученные нами материалы по “Паданцу”, исклю-

чительно самотек, указывали на Фидлера. – Я старательно подбираю каждое слово. – Мы даже спрашивали себя, не готовится ли он стать перебежчиком. Может, потому заранее, так сказать, и пускал хлеб свой по водам⁸.

– Из ненависти к Мундту, бывшему нацисту, который, в сущности, так и не покаялся?

– Это мог быть один из мотивов. Плюс разочарование демократией – или отсутствием таковой – в Германской Демократической Республике, она же ГДР. Подозрение, что коммунистический бог его предал, превратилось в уверенность. В Венгрии контрреволюция была жестоко подавлена Советами.

– Спасибо. Где-то я об этом читала.

Еще бы не читала. Она же сама История.

В дверях появились двое взъерошенных подростков, парень и девушка. Сначала я подумал, что они вошли через задний ход, где нет звонка. А вторая мысль – диковатая, признаюсь, – что это истица Карен, дочь Элизабет, и ее партнер Кристоф, сын Алека, хотят наложить арест на гражданское лицо. Лора привстает на стремянке, чтобы придать себе дополнительный вес.

– Нельсон. Пепси. Поздоровайтесь с Питом, – командует она.

⁸ То есть проявлял щедрость. Отсылка к Библии: “Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его”. Екклесиаст: 11, 1. (Прим. перев.)

– Привет, Пит.

– Привет, Пит.

– Привет.

– О'кей. Слушайте сюда. Отныне территория, где вы находитесь, считается местом преступления. А еще это территория Цирка. Включая сад. Каждый клочок бумаги, досье, любой обломок, настенные чертежи, плитка с крючками, содержимое выдвижных ящиков и книжных полок – все является собственностью Цирка и, потенциально, судебной уликой, а следовательно, должно быть скопировано, сфотографировано и описано. Так?

Никто не возражает, что это не так.

– Пит – наш *книгоочей*. Читать он будет здесь, в библиотеке. Он будет читать. Инструктировать и допрашивать Пита будем мы с шефом правового отдела. *Только мы*. – И снова взъерошенным юнцам: – Вы поддерживаете с Питом светскую беседу, так? Вежливый тон. Не касаетесь материалов, которые он читает, или причин, по которым он их читает. Вам все это уже известно, так что я говорю Питу. Если у одного из вас возникнут подозрения, что Пит или Милли, случайно или сознательно, пытаются унести документы или какие-то предметы из помещения, вы немедленно известите об этом правовой отдел. Милли...

Ответа не последовало, но она стоит в дверях.

– Ваше личное пространство... вашу комнату... использовали или *сейчас* используют в интересах Службы?

– Мне об этом ничего не известно.

– Есть ли там специальное оборудование? Камеры? Жучки? Секретные материалы? Досье? Бумаги? Официальная переписка?

– Нет.

– Пишущая машинка?

– Моя собственная. Куплена мной на мои личные деньги.

– Электрическая?

– Механическая. “Ремингтон”.

– Радиоприемник?

– Беспроводной. Мой личный. Куплен мной.

– Магнитофон?

– На батарейках. Куплен мной.

– Компьютер? Айпад? Смартфон?

– Обычный телефон.

– Милли, вы только что получили письменное уведомление. Оно в почтовом ящике. Пепси, проводите, пожалуйста, Милли в ее комнату. А вы, Милли, будьте добры оказывать ей любую помощь, какая понадобится. Здесь все должно быть разобрано по косточкам. Пит?

– Да, Лора?

– Как я могу распознать задействованные тома на этих полках?

– Все книги *quarto*⁹ на верхней полке, с фамилиями авторов от А до Р, должны содержать бумаги, если они еще

⁹ Формат в 1/4 долю листа. (Прим. перев.)

не уничтожены.

– Нельсон. Вы остаетесь здесь, в библиотеке, до приезда команды. Милли...

– Что еще?

– Велосипед в прихожей. Пожалуйста, уберите. Он мешает проходу.

* * *

В Средней комнате мы впервые сидим вдвоем, Лора и я. Она предложила мне кресло Хозяина, но я предпочитаю место Смайли. Она откинулась бочком в кресле Хозяина – то ли расслабилась, то ли себя подает.

– Я адвокат, так? Офигенный адвокат. Сначала частные клиенты, затем корпоративные. Потом всех послала и попросилась в вашу тусовку. Я была молодой, красивой, и меня кинули на Историю. Чем с тех пор и занимаюсь. Каждый раз, когда прошлое грозит укусить Службу за задницу, на помощь зовут Лору. А “Паданец”, можете мне поверить, чреват серьезными укусами.

– Вы должны быть довольны.

Если она и уловила иронию в моих словах, то решила ее проигнорировать.

– А от вас мы хотим, как ни пошло это прозвучит, правды и только правды. Забудьте о своей лояльности Смайли и компании. Так?

Все не так, да стоит ли отвечать?

– Узнав всю правду, мы поймем, как ее употребить. Возможно, и в ваших интересах, если они совпадут с нашими. Моя задача – отвести кувалду, пока она не ударила по голове. Вы же тоже этого хотите, так? Чтобы без скандалов, даже если они остались в прошлом. Они отвлекают, они бросают тень на настоящее. Наша Служба – это прежде всего репутация и красивая вывеска. Сдача своих, пытки, тайные заигрывания с психопатами и садистами – все это вредит репутации, нашему делу. Значит, у нас общие интересы, так?

И снова я молчу.

– А теперь плохая новость. Нашей крови желают не только дети тех, кто пал жертвой “Паданца”. Кролик по доброте душевной смягчил ситуацию. Есть жаждущие внимания парламентарии, которые хотят использовать “Паданец” в качестве примера: вот что происходит, когда у разведслужб развязаны руки. Поскольку они не могут зацепиться за что-нибудь серьезное, им подавай позавчерашний день. – Мое молчание выводит ее из терпения. – Послушайте, Пит. Без вашего полного сотрудничества все может...

Она ждет, что я закончу фразу. Ну пусть ждет.

– Вы правда ничего от него не слышали?

Я вдруг вспоминаю, что сижу в его кресле.

– Нет, Лора. Как я уже сказал, я давно ничего не слышал от Джорджа Смайли.

Она откидывается назад и достает конверт из заднего кар-

мана. У меня в голове проносится безумная мысль, что это послание от Джорджа. Напечатано на принтере. Ни водяных знаков. Ни приписки от руки.

С сегодняшнего дня вам предоставляется временное размещение в квартире по адресу: 110Б, Худ-Хаус, Долфин-сквер, Юго-Западный Лондон. Условия проживания...

Никаких домашних животных. Никаких гостей. Я обязан находиться дома с 22.00 до 7.00 или заблаговременно известить правовой отдел об изменении планов. Учитывая мое положение (не уточняется), 50 фунтов за аренду будут вычитаться из моей пенсии. Плата за отопление и электричество не взимается, но за утрату или порчу имущества мне придется раскошелиться.

В дверь просовывается взъерошенный юнец по кличке Нельсон.

– Лора, машина подана.

Разграбление Конюшни начинается.

Глава 5

Смеркалось. Осенний вечер, а по английским меркам тепло, как летом. Вот и закончился мой первый день в Конюшене. Я прогулялся, выпил скотча в пабе, забитом голосящей молодежью, приехал на автобусе в Пимлико, сошел раньше на несколько остановок, а дальше пешочком. Вскоре передо мной выросла из тумана освещенная громада Долфин-сквер. С первого дня, как я присягнул секретному флагу, это место вызывало у меня мурашки. В прежние времена здесь находилось больше конспиративных квартир, чем в самом большом здании на земном шаре, и не было такой, где бы я не инструктировал или не допрашивал какого-нибудь несчастного пешотинца. Здесь провел свою последнюю ночь в Англии Алек Лимас в качестве гостя московского вербовщика, прежде чем отправиться в роковое путешествие.

В квартире по адресу 110Б, Худ-Хаус, до сих пор витал его дух. Конспиративные квартиры Цирка всегда отличались запланированными неудобствами. *Эта* была классикой жанра: здоровенный красный огнетушитель; два бугорчатых кресла практически без пружин; репродукция акварели “Озеро Уиндермир”; минибар на замке; отпечатанное предупреждение, чтобы не курили **ДАЖЕ С ОТКРЫТЫМ ОКНОМ**; огромный телевизор с просмотром в обе стороны, как я сразу предположил; замшелый черный телефон с отсутствующим

номером и предназначенный (если говорить лично обо мне) исключительно для передачи дезинформации. А в крошечной спальне стояла твердая, как камень, словно из студенческого общежития, кровать – естественно, односпальная, дабы исключить всякие похотливые мысли.

Закрывшись в спальне от телеэкрана, я распаковал дорожный чемоданчик и осмотрелся, где бы мне спрятать свой французский паспорт. Внимание мое привлекла табличка “ПОЖАРНАЯ ИНСТРУКЦИЯ”, наспех прикрученная к двери в ванную. Ослабив шурупы, я спрятал паспорт за табличкой и снова ее прикрутил. Потом спустился вниз и слопал гамбургер. Вернувшись в квартиру, я позволил себе изрядную порцию скотча и попробовал расслабиться в жестком кресле. Но, едва задремав, тут же очнулся и протрезвел, оказавшись в Западном Берлине в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году от Рождества Христова.

* * *

Пятница, конец дня.

Я провел в разделенном городе неделю и сейчас предвосхищаю парочку горячих дней и ночей в обществе шведской журналистки Дагмар, в которую без памяти влюбился за три минуты во время коктейль-вечеринки, устроенной нашим верховным комиссаром, а по совместительству британским послом в Бонне, где расквартировано вечно-временное пра-

вительство Западной Германии. Я должен с ней увидеться через пару часов, а пока решил нанести визит в наш берлинский Центр, чтобы поздороваться и заодно попрощаться с моим старым другом Алеком.

Рядом с Олимпийским стадионом в краснокирпичных, оживляемых эхом казармах, построенных во славу Гитлера и известных как Дом германского спорта, наши сотрудники готовятся к выходным. Алека я нахожу в очереди к зарешеченному окну регистратуры, куда сдают подносы с секретными документами. Он меня не ждал, но уже привык ничему не удивляться.

– Привет, Алек, – говорю я. – Рад тебя видеть.

– О, привет, Питер, – отвечает он. – Что ты тут делаешь?

После нехарактерной заминки он спрашивает, буду ли я занят в эти выходные. Я отвечаю утвердительно. Жаль, говорит он, а то я подумал, не съездить ли нам в Дюссельдорф. Почему, спрашиваю, в Дюссельдорф. Следует очередная заминка.

– Да просто вырваться из этого чертова Берлина, – говорит он, неубедительно пожимая плечами. И, понимая, что даже в самых дерзких мечтах я не могу себе представить его обычным туристом, добавляет: – Нужно увидеться с одним человеком по поводу собаки. – Из чего я делаю вывод: он дает мне понять, что ему надо встретиться с пехотинцем, а я пригодился бы на роль не то фона, не то прикрытия. Но это еще не повод подвести Дагмар.

– Алек, боюсь, не получится. Скандинавской даме необходимо мое безраздельное внимание. А мне – ее.

Он обдумывает мои слова, но что-то в его реакции меня настораживает. Он как будто обижен или озадачен. А по ту сторону решетки уже проявляют нетерпение. Алек передает документы. Клерк регистрирует их в журнале.

– Женщина не помешает, – говорит он, не глядя на меня.

– Даже если она считает, что я работаю в Министерстве труда, а в Германии ищу научные таланты? Побойся бога!

– Возьми ее с собой. Все будет хорошо.

Знай вы Алека так же хорошо, как я, вы бы поняли, что это равносильно призыву о помощи. За многие годы совместной охоты, со всеми взлетами и падениями, я ни разу не видел его таким потерянным. Дагмар – девушка азартная, и вечером того же дня мы втроем прилетаем в Хельмштадт, берем напрокат машину, едем в Дюссельдорф и останавливаемся в отеле, где Алек уже бывал. За ужином он отмалчивается, зато Дагмар показывает себя настоящим бойцом, умеющим добиваться своего, так что мы скоро оказываемся в постели и проводим бурную ночь к обоюдному удовольствию. В субботу утром мы встречаемся за поздним завтраком, и Алек объявляет, что у него есть билеты на футбол. До сих пор при мне он не выказывал ни малейшего интереса к этой игре. И тут выясняется, что у него *четыре* билета.

– А кто четвертый? – спрашиваю я, уже фантазируя, что у него есть тайная любовница, доступная только по суббо-

там.

– Один знакомый паренек, – отвечает он.

Алек садится за руль, Дагмар и я устраиваемся сзади, и мы отправляемся в путь. На перекрестке он останавливает машину. Высокий подросток с суровым лицом ждет нас под вывеской кока-колы. Алек открывает ему дверцу, он садится впереди, Алек представляет незнакомца: “Это Кристоф”, мы говорим: “Привет, Кристоф”, и продолжаем путь на стадион. Алек говорит по-немецки так же хорошо, как по-английски, если не лучше, и на этом языке он тихо разговаривает с парнем, а тот отвечает односложно, или кивает, или отрицательно качает головой. Сколько ему? Четырнадцать? Восемнадцать? Вечный немецкий юнец авторитарного класса: мрачный, прыщавый и послушный, но с поджатыми губами. Бледный широкоплечий блондин. На редкость неулыбчивый для своих лет. На трибуне, неподалеку от боковой линии поля, они Алеком стоят рядом и обмениваются отдельными словами, которых я не могу расслышать. Парень не подбадривает игроков, молча смотрит игру, а в перерыве они уходят, то ли отлить, то ли съесть хот-дог. Но возвращается Алек один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.